

## Вольный каменщикъ

ШАГЪ ВТОРОГО ГРАДУСА \*)

Въ день воскресный и очень свѣтлый Егоръ Егоровичъ выходитъ изъ дому, напевая веселый мотивчикъ. Радость должна преобладать въ вольномъ каменщикѣ. Пусть на черномъ бархатѣ серебряныя слезы, пусть черепъ скалится зубы, пусть разрушенъ храмъ Соломона, — черный цвѣтъ, порожденный атаноромъ философской ртути, въ свою очередь породить всѣ светлые цвета. Кроме того сегодня имеются особья причины.

Улыбки, безплотныя розовыя созданья, не то цветы, не то мотыльки, не то кондитерскія пирожныя, качаются на воздушныхъ качеляхъ, ловятъ и сажаютъ рядомъ Егора Егоровича и возносятся къ небесамъ: ухъ-у-ухъ! Тарла-тарла-татамъ, тарли-ри, ририри... Консьержка выбываетъ коврикъ; когда консьержки не разбираютъ почты и не ворчатъ, оне всегда выбиваютъ коврики. Bonjour, monsieur Tétékhin! — Bonjour, madame, dites, ваша кошка окотилась? — О, мосье, она принесла мне шестерыхъ котятъ! Не возьметъ ли мадамъ Тэтэкинъ одного? — Думаю, что она будетъ рада. Au revoir, madame! — Au revoir, monsieur! Тарли-ри, рири-ри... И причины достаточно серьезныя, все-таки — первая несомненная победа, и победа въ семье: надъ женой и сыномъ. Погода нынче совсемъ весенняя. Вчера Егоръ Егоровичъ, войдя въ комнату неслышно, въ мягкихъ туфляхъ, засталъ Жоржа погруженнымъ въ разсматриванье иллюстрацій въ книге по

---

\*) См. „Совр. Зап.“, кн. 58. Повѣсть печатается со значительными авторскими сокращеніями. Р е д.

анатоміи челоуѣка, которую Егоръ Егоровичъ взялъ изъ библіотеки не то чтобы изучать какъ слѣдуетъ, а пока хотя бы поверхностно познакомиться. Увидавъ отца, Жоржъ захопнулъ книгу и буркнулъ **что-то** вроде: «я думалъ, что-нибудь **интересное**... Значитъ все-таки проникся **мальчикъ** моими словами, потянуло его къ чистому и безкорыстному **знанію**, какъ будто не нужному **pour faire son chemin!** А сегодня говоритъ Анна Пахомовна: — «Знаешь, не брать ли **мнѣ** уроки **французскаго** разговора, а то какъ-то неудобно. Я все понимаю, когда говоритъ Ришаръ или **другіе**, но когда отвечаю — ужасно путаюсь. — Ну, конечно, слѣдуетъ! Ты хоть съ Жоржемъ говори или со мной. — Нетъ, ужъ лучше брать настоянне уроки у француза. Этотъ твой Ришаръ не **согласится?** Мы бы могли ему платить. — Могу спросить. — Нетъ, я сама съ нимъ поговорю, ты **пригласи** его опять обедать въ среду». — Тарламъ-тарамъ **тамъ-тамъ**, тарли-ри **рири-ри**. Парикмахерскія куклы, пылая необычнымъ загаромъ лица и шеи, изо всехъ силъ улыбаются Егору Егоровичу: **«Поздравляемъ мосеъ съ блестящей победой!»** — «О, мерси, медамъ! Хотя действительно... Такъ, упражня свой разумъ и свою волю, человекъ **влияетъ** на другихъ, и прежде всего, конечно, на своихъ ближайшихъ, на свою семью, а дальше — на членовъ братства, и съ ними въ стоворе — на **миръ** профанный, на все человечество. Храмъ Соломоновъ долженъ строиться общими **усиліями**, но его первый камень — ты самъ, человекъ! Тарламъ тарамъ та-тамъ. Въ тени еще холодновато, а на солнце совсемъ теплынь.

И **вѣдь чѣмъ** привлекаетъ взоръ зеленная лавка? Прежде всего — яркостью и **разнообразіемъ** красокъ: салатъ, апельсины, бананы, свекла. На ходу Егоръ Егоровичъ хватаетъ съ лотка пять апельсиновъ, **швыряетъ** ихъ по очереди выше крыши, ловить, **подбрасываетъ**, конечно — только мысленно, **но** съ большой ловкостью. Весна превращаетъ **стариковъ** въ детей, а детей въ **козлятъ**. На Егора Егоровича **нападаетъ озорничество**, и черезъ дорогу онъ

проходить съ необычайной важностью **ритуальнымъ** шагомъ, задерживая автомобили, — опять же, конечно, только мысленно. Крылатый съ белой палочкой кричитъ шоферу автобуса: **Qu'est ce que tu f...., mon vieux?** Ты не видишь, что шествуетъ вольный каменщикъ!

И вдругъ — **рѣзкій кошачій** визгъ, и на **дорогѣ** бьется **бѣлый** комочекъ: пробежавшую кошку задело колесомъ. Егоръ Егоровичъ, оборвавъ веселый мотивчикъ, спешить **первымъ** на помощь, **другіе прохожіе** сочувствуютъ. На носу кошки капля крови, задняя ножка волочится. На **Егора** Егоровича кошка смотритъ глазами ненависти, — ей ли въ такой моментъ различать злодея отъ благодетеля? Съ кошкой и портфелемъ Егоръ Егоровичъ **забѣгаетъ** въ аптеку, тутъ же рядомъ. Нужна скорая помощь.

— Дежурный докторъ?

— Да, мосье. Но это — животное, мосье? Докторъ не лечитъ **животныхъ**.

— Докторъ понимаетъ лучше насъ; тутъ нужна перевязка, ножка вероятно сломана. Очень прошу васъ позвать доктора, я заплачу. Котенокъ — живое существо, и онъ чувствуетъ боль такъ же, какъ мы.

Взволнованному человеку нельзя отказать. Ножка, действительно, смята, но возможно, что кости целы. Докторъ осматриваетъ лапку кошки, которая его ненавидитъ; она окружена врагами. — Это ваша кошка, мосье? — Нетъ, я подобралъ ее на улице, здесь рядомъ. — Это кошка мадамъ Монфоръ изъ соседняго дома, — говоритъ пожилой фармацевтъ, — я ее знаю хорошо. Мадамъ будетъ огорчена. — Я отнесу ей, где ея квартира? — Пятый этажъ, левая дверь. — Сколько я долженъ за перевязку? — О, **мосье**, ничего, мадамъ заплатитъ. — Вотъ десять **франковъ**. — Мерси, мосье!

. Взрывъ горя на **пятомъ** этаже! — Mon pauvre Minou! О, мосье, вы такъ добры! — Она попала подъ колесо, но докторъ думаетъ, что она легко поправится. — О, мерси, мерси! Вы — иностранецъ, мосье? — Я **русскій**. — **Русскіе**

такъ великодушны. — Известно ли вамъ, мадамъ, что кошка сродни тигру? Да-да, какъ это ни странно! — Егоръ Егоровичъ читаетъ маленькую **лекцію** о семействе кошачьихъ, **характеризуемомъ** главнымъ образомъ втяжными когтями. Тигръ живеть въ бамбуковыхъ заросляхъ близъ рекъ; самка приноситъ **двухъ-трехъ дѣтенышей**. Разновидность — тигръ **яванскій**, живеть на **Явѣ** и Суматре, на затылке имеетъ гриву. — **О**, мосье, какъ вы любезны! Русскіе знаютъ **все**.

Черезъ какой-нибудь мѣсяць совершенно оправившаяся кошка сама приходитъ въ квартиру Егора Егоровича на улице Конвансьонъ благодарить за спасенье жизни. — Вы были милосердны къ ничтожному животному, **мосье!** Вы показали меня врачу, подали первую помощь, отнесли меня къ моей доброй хозяйке; благодарю васъ, мосье Тэтэкинъ, вы поступили, какъ **настоящій** вольный **каменщикъ**. — То, что сделалъ я, сделалъ бы и любой профанъ, не лишенный сердца! — Отвѣчая кошке, Егоръ Егоровичъ искренне сожалеетъ, что вся эта сцена съ автомобилемъ, кошкой, **аптекаремъ**, докторомъ, тоже не настоящая, а выдуманная его возбужденнымъ и радостнымъ весеннимъ **состояніемъ**. Глаза Егора Егоровича влажны, къ горлу подступаетъ клубокъ.

Именно въ такомъ состояніи Егоръ Егоровичъ на углу улицы Лекурбъ включилъ въ **объятія** профессора **Лоллія** Романовича Панкратова.

\*\*  
\*

Мы опять уносимся въ Казань къ днѣмъ ухода чехословаковъ. Въ городскомъ саду, на лысине **великаго** математика Лобачевского, **сидѣлъ** нахохлившись воробушекъ и смотрелъ на окна второго этажа недалежнаго дома. Обычно въ этотъ часъ изъ оконной форточкы высовывалась рука и сыпала на особую дощечку хлебныя крошки. Воробьи были уверены, что за этимъ стекломъ живеть не-

проходимый **идіотъ**, простоту котораго легко использо-  
**вать**. Когда рука скрывалась, одинъ изъ дежурныхъ во-  
робьевъ взлеталъ на крышу дома, свертывалъ головку на  
бокъ, **смотрѣлъ** внизъ на дощечку, **прицѣливался**, спу-  
скался парашютомъ, хваталъ кусочекъ **позабористый** и  
**летѣлъ** съ нимъ на лысину Лобачевского или на другое  
удобное и безопасное **мѣсто**. По его сигналу такую же во-  
енную **диверсію** проделывали и **другіе** воробьи, соблюдая,  
конечно, всяческую осторожность. Такъ ловко они поль-  
зовались людскою **нѣпредусмотрительностію**, оставляя съ  
носомъ человека за стекломъ.

Сегодня форточка не отворялась, рука не высовыва-  
лась и не сыпала крошекъ. Къ эпитету **идіота** дежурный  
воробей возмущенно прибавилъ негодяя и тшетно точилъ  
носъ о черепъ, **вмѣстившій** неэвклидову **геометрію**.

Въ это самое время и благодетельная рука и принад-  
**лежащій** ей **человѣкъ**, и еще много рукъ, ногъ, обезумев-  
шихъ головъ, астмическихъ грудей, детскихъ локоновъ,  
женщинъ, не успевшихъ захватить кастрюльку, купчихъ,  
набившихъ чулки **бриллиантами**, поповъ, запрятавшихъ въ  
подряски лепту вдовицы, дрожащихъ осиновою дрожью  
либераловъ, чрезвычайно возмущенныхъ эсеровъ, обом-  
шалыхъ ученыхъ и **честно-пламенныхъ** дурней, кубаремъ  
катились по дороге отъ города Казани въ неизвестное бу-  
дущее.

Никто не зналъ, зачемъ и куда онъ уходитъ, — но все  
знали, откуда и почему они бегутъ. Единственнымъ, не  
знавшимъ ни того ни другого — ни куда, ни зачемъ, ни  
почему — былъ **казанскій** профессоръ **Лоллій** Романо-  
вичъ!. **Папкратовъ**, не **успѣвшій** утромъ покормить хлебны-  
ми крошками **воробьевъ**. Съ вечера его уверили соседи,  
что нужно оставить Казань и двинуться на Самару; ночью  
благодетельныя руки уложили въ чемоданъ его **костюмъ**,  
несколько сменъ белья, микроскопъ и черновикъ давно  
изданной работы; на разсвѣте профессоръ удивленно и  
добросовѣстно шагаль въ толпѣ по улицамъ **пустѣвшаго**

города, после **чего** несколько **мѣсяцевъ** или **лѣтъ**, давно потерявъ **чемоданъ, микроскопъ** и черновикъ, двигался въ разныхъ **направленіяхъ пѣшкомъ**, въ теплушкахъ, на пароходе, **по Россіи**, по Сибири, по морямъ, экзотическимъ странамъ и **европейскимъ** улицамъ.

Его **сновидѣнія** были полны **разнообразія**, этапы **житія** необъяснимы. До какихъ-то границъ онъ двигался въ обществѣ почтоваго чиновника Тетехина, что и положило основу ихъ теснейшей дружбы. Затемъ профессоръ жилъ — или ему казалось — въ Прагѣ, **где тѣ** же чехословаки разъ въ годъ выдавали ему изъ своихъ складовъ солдатскую рубашку и несколько бумажныхъ ассигнацій.

По истеченіи неопределеннаго времени профессоръ попалъ въ Парижъ и сталъ что-то **где-то** делать не по своей профессорской части. Впрочемъ его некогда почтенное **званіе** стало считаться **липovýmъ** и несерьезнымъ, съ **тѣхъ** поръ, какъ **всякій русскій, проѣзжавшій** на трамвае мимо Сорбонны и **умѣвшій** говорить, механически делался профессоромъ.

\*\*  
\*

Заключивъ въ объятія стараго друга, Егоръ Егоровичъ воскликнулъ съ **неподдѣльнымъ** волненіемъ:

— Вы ли это, **Лоллій** Романовичъ? За три года встречаю васъ **третій** разъ — и не разу у меня не побывали. **нетъ**, теперь ужъ я васъ не выпущу!

Восторгъ Егора Егоровича былъ естествененъ и понятенъ: вотъ человекъ, который разгуливаетъ среди научныхъ дисциплинъ, какъ въ собственномъ огороде, тогда какъ самому Егору Егоровичу гороховая заросль кажется **непроходимымъ боромъ**.

Вероятно профессоръ куда-нибудь **шелъ**; возможно, что даже съ намеченной целью и въ определенномъ **направленіи**. Но со времени казанской **исторіи** онъ утратилъ веру въ реальность самостоятельныхъ **движеній** и въ свободу воли индивидуума. Стараясь попадать въ шагъ, онъ

шелъ теперъ съ Егоромъ Егоровичемъ и за Егоромъ **Егоровичемъ**, удивляясь неожиданности поворотовъ и новизне **улицъ**, по **которымъ**, впрочемъ, много разъ **проходилъ**.

**Ресторанъ**, въ который они зашли, былъ очень счастливъ ихъ **видѣть** и, очевидно, съ нетерпѣшемъ ихъ ждалъ, такъ какъ столикъ былъ накрытъ и лакей нисколько не удивился. — «**Ведь** вы не завтракали, **Лоллій Романовичъ?**» — «Не думаю, чтобы...» — «Я тоже не **завтракалъ**. Не приглашаю васъ сегодня къ себе, потому что Анна Пахомовна взяла у меня некоторымъ образомъ отпускъ, а Жоржъ у своихъ **пріятелей**. Для начала, что вы скажете объ устрицахъ?» — «Родъ раковинныхъ моллюсковъ... вы разумеете, вероятно, *ostrea edulis*, пластинчатожаберныхъ?» — «Гарсонъ, дюжину португальскихъ! Какъ я счастливъ, что встретилъ васъ, **Лоллій Романовичъ!** У меня къ вамъ тысяча и **одинъ вопросъ**. Вы пьете вино?» — «О, конечно!» — «Гарсонъ, бутылку Анжу».

Егору Егоровичу хочется тутъ же, сейчасъ же, проглотить третью устрицу, спросить профессора о **сумчатыхъ**, о туманностяхъ, религіяхъ Индо-Китая и санскрите. Но онъ внезапно **замѣчаетъ** крайнюю худобу и бледность **Лоллія** Романовича, который заедаетъ каждую устрицу двумя кусками хлеба.

— А какъ вы живете, профессоръ, надъ чемъ сейчасъ работаете?

— Я клеилъ коробки, и это очень хорошо; но въ последнее время отдыхаю.

Егоръ Егоровичъ съ **ужасомъ** смотритъ, какъ профессоръ, посыпавъ кусокъ хлеба солью, быстро расправляется съ **нимъ** желтыми зубами. Триста **пятьдесятъ** пять **томовъ толстѣйшихъ** и **ученѣйшихъ** работъ въ **переплетахъ** срываются съ **полокъ**, обрушиваются на голову Егора Егоровича и **вышибаютъ** изъ его глаза слезу. Въ ужасе разбегаются стада кенгуру, тушканчиковъ и **саламандръ**, обращаются въ слякоть туманности, киснутъ электроны, **линяютъ** религіи **индусовъ**. Гарсонъ въ **недоумѣніи**, но ис-

полнительно заказываетъ буфетчику шесть порцій недожаренныхъ «шаторіановъ» съ лукомъ и яйцомъ сверху. — «Шаторіанъ недурень», — говоритъ Егоръ Егоровичъ, увѣренно подстрекая профессора на четвертый кусокъ, — и Лоллій Романовичъ отвѣчаетъ невинно: — «Да, но каковъ путь отъ «Atala» до «Mémoires d'outre-tombe»? И однако онъ былъ послѣдовательнымъ легитимистомъ. Какое, кстати, превосходное мясо! Какъ это называется?» — «Кушайте, дорогой, тутъ еще ваша порція. А не спросите ли намъ мозги-фри или чего-нибудь основательнаго?» — «Мерси, но я боюсь, что я сытъ, какъ это ни странно». — «Тогда — гарсонъ! — сыръ, фрукты, кофе!»

Отхлебнувъ кофею, профессоръ тянетъ изъ бокового кармана пиджака мятый синій пакетикъ, шарить въ немъ и вынимаетъ недокуренную папиросу. Затѣмъ медленно подымаетъ на Егора Егоровича покраснѣвшіе отъ вина и усердія въ пищѣ глаза и говоритъ отчетливо и выразительно, какъ бы начиная лекцію передъ аудиторіей:

— Я очень вамъ благодаренъ, добрый другъ Тетехинъ. Думаю, что лѣтъ пять я не ѣлъ съ такимъ удовольствіемъ и до столь полнаго насыщенія. Дѣло въ томъ, что я до чрезвычайности бѣденъ и при томъ довольно старъ.

Гарсонъ, пріятно изогнувшись, щелкаетъ серебряной зажигалкой и даетъ потрепанному кліенту закурить. И въ отвѣтъ слышитъ на безукоризненномъ языкѣ:

— Votre amabilité parfait ce tableau enchanteur!

Профессоръ чуточку захмелѣлъ.



Одна изъ трехсотъ пятидесяти толстыхъ книгъ, обрушившихся на темя вольнаго каменщика, лежитъ передъ нимъ развернутая на страницѣ, гдѣ написано:

«Необычайныя завоеванія человѣческой мысли, выражающіяся въ безчисленныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ,



облегчаютъ **существованіе** человѣчества и **дѣлаютъ** его жизнь все **болѣе** легкой, радостной и счастливой».

— Врете-съ! — кричитъ Егоръ Егоровичъ, не стесняясь **присутствіемъ** Анны Пахомовны, совершенно пораженной. — Нагло врете-съ!

Въ форме обращенія на «вы» — последняя дань уваженія Егора Егоровича къ науке.

— Что съ тобой, Гриша?

Захлопнувъ книгу и отшвырнувъ ее на неподобающее место, вышеупомянутый Гриша вскакиваетъ и ходитъ большими шагами по комнате.

— Наглое вранье! Если бы знашя делали жизнь счастливой, то онъ не съелъ бы за одинъ присестъ, безъ передышки, пять **шаторіановъ!**

— О комъ ты говоришь?

— Это безразлично, не въ томъ дело. Какой-нибудь агентъ страхового общества или этотъ пустоголовый Ришаръ — благоденствуютъ и жуютъ дважды въ день въ полное свое **удовольствіе**, а человекъ широчайшаго **образованія**, глубочайшихъ познашій, настоянній профессоръ, не снимаетъ пальто, потому что штаны у него протерты и сзади и на коленкахъ. Нетъ — извините!

— Если онъ, по-твоему, пустоголовый, то зачемъ ты его приглашаешь? И что это за выраженія!

— Кто? Кого? Причемъ тутъ я?

— Это невыносимо, Егоръ Егоровичъ! И вообще у тебя умъ за разумъ заходитъ **отъ дурацкихъ** книгъ.

Далее происходитъ совершенно невероятное. Егоръ Егоровичъ **смотритъ** сквозь Анну Пахомовну и говорить тономъ начальника **отдѣленія** гоголевскихъ временъ:

— **Па-пра-шу** оставить меня въ покое.

И, не давъ Анне Пахомовне времени окончательно изумиться, а «дураку» догнать себя на лестнице, Егоръ Егоровичъ надеваетъ пальто и выходитъ.

## V

Вотъ идетъ Егоръ -Тетехинъ, **воплощеніе** бунта и **возстанія**. Вотъ онъ идетъ по **улицѣ**, по своей собственной **улицѣ** Convention, и кривой рукоятью трости бьетъ стекла магазиновъ, уличные фонари, **встрѣчныхъ** и поперечныхъ. Онъ ногтями выдергиваетъ светлыя, **полустертыя** лепешки гвоздей на passage **clouté**, потому что теперь все это — вздоръ и не нужно. Онъ **подпрыгиваетъ**, хватается за карнизы домовъ — и обрушиваетъ здашя, и жилые дома и **тѣ**, грязносерыя **столѣтнія** стены, на которыхъ по закону 29 іюля 1881 года запрещается наклеивать афиши. Онъ бросается подъ трамваи и автомобили и, разрезанный на куски, на много кусковъ, продолжаетъ мыслить и страдать въ каждомъ куске особо, — потому что семя сомнешя и **отчаянія** попало на почву отзывчивую и девственную. Дома онъ оставилъ осколки семейной жизни: статуэтку Жанны **д'Аркъ** съ **отбитымъ** носомъ, на сходство съ которой (до носа) претендовала Анна Пахомовна, и потертаго Достоевскаго изъ крашенаго гипса. Вотъ идетъ Егоръ Тетехинъ, пронизанный духомъ бунта, — и нетъ ему покоя на земле.

Полюбовавшись на **свое произведеніе**, художникъ **впихиваетъ** его въ **отверстіе** метро, протаскиваетъ волокомъ подъ землей и вытягиваетъ въ другомъ конце Парижа, скрывъ отъ профановъ **названіе** квартала. Егоръ Егоровичъ спокойнее, но онъ торопится, такъ какъ, кажется, опоздалъ къ началу **засѣданія**. Онъ входитъ въ подъездъ стариннаго здашя съ привычнымъ и **неизжитымъ** ощущеніемъ готовности взволноваться особыми чувствами. Онъ **подходитъ** къ двери, за которой слышенъ размеренный голосъ. Онъ **подымаетъ** руку и **косточкой** указательнаго пальца **ударяетъ**, ударяетъ и еще **ударяетъ**. Человекъ въ **пиджакѣ**, вооруженный **мечомъ**, никогда никого не **поражавшимъ**, **пріотворяетъ** дверь, **и** подмастерье Тетехинъ

становится къ порядку между колоннами. Свободнымъ жестомъ онъ **отдѣляетъ** голову отъ туловища, мыслящее отъ животнаго. Онъ обещаетъ быть **правдивымъ**, какъ уровень, и точнымъ, какъ **отвѣсъ**. Онъ сдерживаетъ и про\* **вѣряетъ** угольникомъ свой **шагъ** и свои **мысли**.

Въ эту минуту на него обращены **всѣ** глаза — съ **чувствіемъ** и любопытствомъ. Онъ садится подъ солнцемъ юга и подъ сенью силы, — солнце пригреваетъ его, и онъ **обрѣтаетъ** въ себе силу шествовать дальше въ **сомнѣнн**-**яхъ** и колебаньяхъ.

Онъ оглядывается вокругъ — и видитъ знакомыя лица людей, весь день трепавшихся и съ суетливой настойчивостью ковавшихъ монетку съ дырочкой на **пропитаніе себѣ** и семье. Изъ магазиновъ, бюро, съ биржи, изъ **редакцій** газетъ, мясныхъ лавокъ, судовъ, банковъ они разошлись по домамъ усталыми и пропотевшими взаимнымъ **недовѣріемъ** и злобами серенькаго дня. Закусивъ дома двумя тарелками вареной зелени и худошавымъ ребрышкомъ животнаго, **запивъ** это кислымъ и терпкимъ **виномъ**, всю жизнь однимъ и **тѣмъ** же, выслушавъ однимъ ухомъ жалобу жены на неделикатность соседки, — они вынули изъ будто бы тайныхъ хранилищъ будто бы тайныя муаровыя ленты и замшевыя передники, перестроили **уста**-**лость** лицъ на охотную приветливость и, съ разныхъ **кон**-**цовъ** города, собрались подъ искусственное звездное небо, на которомъ солнце уживается одновременно съ луннымъ **серпомъ**.

До этихъ дверей стараго монастыря они были торговцами, сутягами, живоглотами, адвокатами, маклерами, военными, бухгалтерами и чиновниками близкихъ къ паде\* **нію** министерств!\*; **переступивъ порогъ** — обтерли подошву объ истоптанный коврикъ, и теперь это — иные люди, страстно влюбленные въ свою прекрасную выдумку, готовые для ласковаго общенія душъ, **тонкіе** ценители музыки осмеянныхъ въ профанномъ **Міре** словъ: братство, терпимость, любовь, пожалуй, даже — жертва, — только

будьте осторожны, не испугайте **требованіемъ** слишкомъ внезапнаго **превращенія**, дайте отуманиться знакомыми символами — и очнуться въ **сіяніи** тройственнаго **свѣта мудрости-силы-красоты**, новыми, избранными, творцами, строителями невиданнаго храма!

Они **разсаживаются** по скамьямъ, еще поживаясь отъ коликъ, почекъ, геморроя, **ишіаса, катара**, усталой за день поясницы, — но уже въ готовности быть здоровыми, разомъ улыбаться, **совмѣстно** испытывать скорбь, соборно гнать ее надеждой; только бы на часъ забыть, **накрѣпко** и искренно, объ ежедневномъ житейскомъ, и въ тайномъ **зеркалѣ** вечности увидеть свои лица молодыми, красивыми и преображенными, безъ этихъ **ужасныхъ** масокъ и **судорожныхъ морщинъ**. Стать такими для себя, для другого, для всехъ, и будто бы тамъ была ошибка, **нехорошій** сонъ, и только здесь — лучезарная действительность, песнь песней, **преддверіе** последней правды.

Дверь заперта, бодрствуетъ привратникъ. И въ храме уже нетъ торгашей, жалкихъ душъ, домашнихъ деспотовъ и чиновныхъ подхалимъ, —

— Досточтимый мастеръ, все братья, **украшающіе** колонны храма, суть вольные каменщики!

Егоръ Егоровичъ встаетъ и снова садится. Въ этотъ моментъ онъ всегда говоритъ себе съ волнешемъ: да, и я тоже! Онъ гордъ за себя и за другихъ. Онъ очарованъ **простотой** и серьезностью, съ которыми все разомъ протягиваютъ руку и произносятъ хоромъ изумительныя три слова, лживо **звучащія** на монетахъ, кошунственно на дворяхъ участковъ, преступно на воротахъ тюремъ, — три слова, внезапно **пылающія** здесь изначальнымъ, чистымъ **свѣтомъ**, какимъ они пылали въ **тѣ** дни, когда еще молодая, живая, верующая, пламенная **Франція** подарила ихъ всему свету. Отъ этого и удивительное **ощущеніе** молодости — десятка два годовъ съ плечъ долой! Въ сущности онъ — прекрасный человекъ, этотъ агентъ страхового **общества**. Какъ **идутъ** ему **лазурь** и пурпуръ и золото, и какъ тор-

жественень его голосъ, строги и изящны жесты. **Нѣтъ**, тутъ словами всего не объяснишь, да и понять не всегда можно. Тутъ тайна, Егоръ Егоровичъ, и радостно, что **тайна** существуетъ и что она такъ многообразна. Была **серая** толпа, а взгляни теперь — **всѣ** на подборъ красавцы, а ужъ особенно старики. Тутъ, мой дорогой, **никакія разсужденія** ничего не дадутъ, а разъ тебе хочется **вѣрить, ты**» Егоръ Егоровичъ, верь и радуйся своей **вѣрѣ**, потому что смущаться нечего, и такъ, попросту, гораздо лучше. Вонъ тамъ, *подъ* потолкомъ, не очень искусно, торопливой рукой дешеваго мастера нарисованъ шнуръ со свободными кафинскими узлами. Рисуночекъ, по совести, не важный, — и однако изъ этого, **всѣхъ связующаго** пояса ты не вырвешься, бунтовавшій, впрочемъ уже **смирившійся**, уже размякшій и умиленный Егоръ Тетехинъ, **украсившій** себя пониже **таліи забавнымъ дѣтскимъ передничкомъ**.

Егоръ Егоровичъ чувствуетъ, какъ сердце его отходить и, отказавшись отъ самостоятельнаго галопа, нарочитъ попасть въ **общій** шагъ. Онъ **видѣлъ** чудо превращенія, онъ **пріобщился** тайне посвященности. Онъ самъ — **маленькій** конторскій **служащій**, никогда бы не узнавшій ни бунта, ни радостей **прозрѣнія**, если бы **благодѣтельная** рука однажды не простерла надъ нимъ **бутафорскій пламенѣющій** мечъ, если бы въ руку его не сунули долото и деревянный молотокъ. И ужъ если это — забава и только забава, то будь она благословенна! Деревянными молотками ржавое **желѣзо** душъ перековывается въ металлъ благородный.

Въ Люксембургскомъ саду **дѣти** пускаютъ въ воду круглago бассейна яхточки съ косыми парусами. **Вѣтеръ гонитъ** яхту отъ **каменнаго** борта прямо подъ струю фонтана, Каскадь воды обрушивается на игрушечный корабль — и дети замираютъ въ ужасе и восторге. Легкая яхта неизменно выскальзываетъ и спасается — мокрая, но невредимая. Когда она **приплываетъ** къ тому борту, — **Жоржи, Жако, Жанэ, Пэлэ** и **русскіе** Андрюши **отталкиваютъ**

свои корабли палочками и отправляют ихъ въ новое, опасное и полное **приключеній** плаванье.

И есть еще другой бассейнъ — **миръ человѣческихъ отношеній**, океанъ **столкновенія** разнообразнейшихъ **интересовъ разноцвѣтныхъ** народовъ, — грабежи, войны, власти, тюрьмы, законы и **вся** прочая накипь на поверхности земли, все-таки **освѣщаемой** солнцемъ. Игра въ смерть и **соціальную** справедливость, разжиженный мозгъ политическихъ программъ, **парадные** могилы **неизвѣстныхъ** солдатъ, **жневскій** стадионъ упитанной дипломатической лжи, кадры **международной** и **національной** полицейской и судейской **охраны**, военная штамповка героевъ и **патриотовъ**, — и **коротенькій** календарь человеческой жизни, испещренный отметинами историческихъ **датъ**: **июли**, **брюмеры**, **феврالی**, **термидоры**, **октябри**, праздники **перемирій**, **рождешя**, **смерти**, **юбилеи**, — совсемъ не остается дней простыхъ и **ясныхъ**, для всякаго **безспорныхъ**, въ которые не терзаль бы человекъ человека зубами, дыбой, гильотиной, статьями закона, догматами веры, уставами благочишя, стихами, удушливыми газами, газетами, вонью города и речами ораторовъ. Цепляясь другъ за друга, лезутъ на трибуну вещать о грядущемъ счастье человечества **великіе** шутники **всѣхъ** времянь и народовъ — Моисей, Платонъ, **Конфуцій**, Марксъ, поэты, адвокаты, профессора философи, **соціалистическіе** депутаты и продавцы резиновыхъ **издѣлій** по рекламнымъ ценамъ.

О, дети, берегите и хольте свои яхточки! Въ нихъ больше всамделишной истины, чемъ во всехъ **хартіяхъ** вольностей!

— Братья, не просить-ли **кто-нибудь** слова на пользу ложи и всего Братства каменщиковъ?

Неожиданно самъ для себя, просить слова братъ **Гэтэкинъ**.

Запинаясь языкомъ за **путаницу** мыслей, онъ говорить:

— Невозможно терпеть, братья, такое **положение, что**, напримеръ, я читалъ, какъ молодой **человѣкъ, я** не помню

фамиліи, да это и не важно, братья, покончили съ собой отъ безработицы и нужды. И еще, братья, я самъ знаю, **напримѣръ**, профессора, **умнѣйшій** человекъ, который можетъ умереть съ голоду. И **такихъ** очень много.

Дальше у него не выходитъ, и онъ замолкаетъ.

— Дорогой братъ, ваши чувства **дѣлаютъ** честь... Братьямъ **извѣстно...** но что вы, собственно, конкретно предлагаете, дорогой братъ Тэтэкинъ?

Егоръ Егоровичъ оглядывается. Онъ видитъ лица, болѣе удивленные, **чѣмъ сочувствующія**. Зачемъ, собственно, онъ вылезъ? **Сидѣлъ** бы и молчалъ. Онъ долго ищетъ словъ, но **отвѣчаетъ**:

— Конкретно? Я не знаю, я только чувствую, что такъ нельзя. Я вотъ со своей стороны сейчасъ же готовъ, сколько могу...

И братъ Тэтэкинъ, вытянувъ бумажникъ, вынимаетъ изъ него записки, визитныя карточки, деньги, потомъ суетъ все обратно — и не знаетъ, какъ дальше поступить.

**Сіяющій** лазурью и золотомъ агентъ страхового общества находитъ выходъ изъ **положенія**:

— Братья, кружка вдовы обойдетъ колонны. Сегодня все, что будетъ собрано, мы отдадимъ въ пользу **безработныхъ**.

Пальцы тянутся къ жилетнымъ карманамъ. Егоръ Егоровичъ извлекаетъ и въ великомъ **смущеніи** комкаетъ большую бумажку. Ему очень стыдно и не по **себе**. Бумажка не проходитъ въ **отвѣстіе** кружки вдовы, и собиратель милостыни приподнимаетъ крышку.

**Сидящій** неподалеку отъ Егора Егоровича **комиссіонеръ** грамофонныхъ пластинокъ шепчетъ на ухо почтенному аптекарю:

— Славный малый, этоть **русскій!**

— Что вы говорите?

— Я говорю — онъ хоть и **недалекій**, а малый славный.

Э?

— Да, большой чудакъ!

И аптекарь, вторично сунувъ пальцы въ карманъ жилета, вытаскиваетъ и добавляетъ въ кулакъ еще два франка.

На задней скамье **наsupленные** брови брата Жакмана. Онъ **смотритъ** на **затылокъ** Егора Егоровича хмуро, задумчиво и не очень одобрительно. Въ его **рукъ** приготовлена обычная монета. Въ его **головъ** старья, мудрыя мысли. Въ его брови **торчитъ** прямой и круглый, какъ бревешко, седой волосъ — противъ ворса.

#### ЦИНЦИННАТЬ

Километрахъ въ пятидесяти отъ Парижа у Егора Егоровича былъ **маленькій** участокъ земли, весьма благообразно **приобрѣтенный**, въ первые годы по **прїѣздѣ** во **Францію**, на вывезенныя изъ **Россіи** валютныя бумажки. На участке былъ построенъ въ кредитъ домикъ въ **четыре** комнаты, и несколько **лѣтъ** Егоръ Егоровичъ съ похвальной аккуратностью **выплачивалъ** — и выплатилъ его стоимость.

Домикъ былъ неблагоустроенъ и къ зимней жизни **не** приспособленъ, но летомъ семья Егора Егоровича переселялась сюда на месяцъ его отпуска, а иногда **прїѣзжали** дня на три, когда праздничный день **счастливымъ** мостомъ соединялся съ днемъ воскреснымъ. Впрочемъ Анна Пахомовна не проявляла большой склонности жить на даче, въ местности безлесной, безречной и довольно малолюдной, где не было даже кинематографа.

Въ нынешнемъ году Егоръ Егоровичъ взялъ отпускъ рано — въ мае **месяце**, и было решено, что онъ поедетъ въ деревню **одинъ**. Топить при надобности печурку и варить кофе — мудрость не большая, а питаться, недорого и хорошо, можно было въ **приличномъ** кабачке поблизости отъ хутора. Впрочемъ, при **желаніи**, Егоръ Егоровичъ справился бы съ **кулинаріей** и лично.

Онъ опасался, что проектъ такой его самостоятельной жизни встретитъ **рѣзкій** отпоръ со стороны Анны Пахо-



**МОВНЫ.** Оказалось наоборотъ: Анна Пахомовна **вполнѣ** одобрила его планъ одинокаго весенняго отдыха, **избавлявшій** и ее отъ лишнихъ семейныхъ заботъ. У Анны Пахомовны — кто бы могъ думать! — завелся свой кругъ новыхъ знакомствъ, и не только русскихъ. Съ **ГБХЪ** поръ, какъ Анна Пахомовна **сдѣлалась свѣтлой** блондинкой съ яркими губами и короткими индефризблями, — весь строй ея жизни и ея **психологii** **перемѣнился**. Анна Пахомовна съ **тѣмъ** же ужаснымъ акцентомъ, но уже безо всякаго **стѣсненія**, съ легкостью и свободой пускала въ оборотъ **французскія** фразы. Стала легче ея походка, мизинецъ правой руки оттопыривался съ гращѣй, и на благотворительномъ балу волжскаго землячества Анна Пахомовна, на глазахъ **остолбенѣвшаго** отъ ужаса Егора Егоровича, **протанцовала** фокстротъ и еще какой-то **танецъ**, отвалившись верхней частью **сорокалѣтняго** корпуса отъ приваливагося къ нижней Анри Ришара, съ некотораго времени ближайшаго друга семейства Тетѣхиныхъ.

Въ первыхъ числахъ мая Егоръ Егоровичъ съ чемоданомъ белья, пакетомъ семянъ отъ Вильморена, связкой бамбуковыхъ палочекъ, **новенькимъ** легкимъ **топоромъ**, **пилой-ножевкой**, **англійскими** кусачками, примусомъ и другими **орудіями хозяйственнаго созиданія** отбылъ въ собственное имѣше. Книгъ съ собой взялъ три: «Спутника садовода», **Библию** и одно изъ малопонятныхъ твореній высокоученаго Папюса, — читать одинокими вечерами и въ дождливый день.

На **мѣстѣ** его ждала великая книга Природы, развернутая на первой странице, **дальше** которой еще не пошло современное человечество.

Три **первыхъ** дня на даче пролетели, какъ сонъ волшебный. Съ ранняго утра до заката Егоръ Егоровичъ ковырялъ, полоть, сеять, ставилъ палочки, сжигалъ **сухія** ветки, листья и мусоръ, сооружалъ ящики, забивалъ гвоздики. Въ вечерней прохладе созерцалъ и слушалъ музыку **мірозданія**, затемъ зажигалъ керосиновую лампу и **нѣ-**

сколько часовъ проводилъ въ **обществѣ** Авраама, Моисея, Давида, Соломона, въ **обстановкѣ** довольно кошмарной, потому что даже въ наше **послѣвоенное** время подобнымъ людямъ пришлось бы **нѣсколько** подтянуться и придать своимъ **дѣянiямъ** хотя бы внешне благопристойный видъ.

• Такъ, напримеръ, **кротчайшій** царь и псалмопевецъ Давидъ перерезалъ и передушилъ на своемъ веку столько людей, что на долю его сына, Соломона, осталось пристукивать, сравнительно, немного. Сначала Соломонъ додумалъ, по отцову **завѣщанiю, Иоава**, сына Саруи, и Семеня, сына Геры, относительно которыхъ Давидъ убедительно просилъ его — низвести ихъ седины во крови въ преисподнюю. Затемъ, уже по собственному почину и соображенiю, Соломонъ прирезалъ родного брата Адошю, женился на фараоновой дочери и еще на семистахъ женахъ, добавивъ къ нимъ триста наложницъ, и, наконецъ, занялся мирнымъ строительствомъ.

— Нужно все-таки сказать, — подумалъ Егоръ Егоровичъ, впервые такъ внимательно **читавшій Библию**, — что все это — достаточное **безобразiе!** Хотя, конечно, — время было такое...

Отправилъ царь Соломонъ царьку тирскому говорящую дощечку:

«Пришли мне человека, **умѣющаго** делать **издѣлія** изъ золота и изъ серебра, изъ железа, изъ камней и изъ дерева, изъ пряжи пурпуровой, и изъ виссона, и изъ багрянницы, и вырезывать всякую резъбу, и придумывать все, что будетъ ему поручено **вмѣстѣ** съ художниками. И пришли мне дерево кедровыхъ, кипарисовыхъ и сандаловыхъ съ Ливана, потому что домъ, который я строю, **великій** и чудесный».

И послалъ **тирскій** царекъ Соломону человека, именемъ Хирама, сына вдовы изъ колена **Неффалимова**.

## V

Крыша домика Егора Егоровича крыта обыкновенными красными черепицами, **которыя** накладываются одна на край другой и по **которымъ** **отмѣнно сбѣгаетъ** дождевая вода: **остроумнѣйшее изобрѣтеніе**, авторъ неизвестенъ.

Между крышей и звезднымъ небомъ — воздушная прослойка.

Кто не веритъ, что въ **мірѣ** все чудесно, пусть тотъ жуесть учеными губами **прозаическій** вздоръ о составе и температуре воздуха и причинахъ столь разнаго блеска звездъ. Егоръ Егоровичъ лежитъ въ таки-жестоковатой постели и думаетъ о великомъ строителе Хираме.

Это былъ, очевидно, молодой человекъ заграничнаго **образованія**, художникъ, поэтъ и **величайшій** фантазеръ своего времени. Проживая въ Египте, онъ принялъ **посвященіе** въ тайное общество и, после ряда страшныхъ и тяжелыхъ **испытаній**, достигъ степени мастера. Но его не удовлетворяли пути самоуглубленія и **созерцанія**; ему хотелось скорее найти достойное **примѣненіе** своимъ дарованиямъ, его манило широкое строительство, онъ любилъ жизнь, **мечталъ** о **претвореніи** въ действительность **тѣхъ** чудесъ, которыя открыла ему тайна посвященія.

Онъ былъ белокуръ, голубоглазъ, строень, высокъ, силенъ, здоровъ, красивъ, честенъ, приветливъ и одаренъ всеми талантами. Онъ родился среди кедровъ, кипарисовъ, высокихъ травъ и светлыхъ речныхъ струй. Его единственной наставницей была Природа — и лучшей наставницы не могло быть у смертнаго. •

На утренней заре Хирамъ смотрелъ, какъ просыпается живущее днемъ и засыпаетъ жившее ночью. Какъ выправляются напряженные соками лисхья, какъ раскрываютъ глаза цветы, вздрагивая желтыми ресницами, какъ за любовью манящей и уклончивой гонится любовь настойчивая

и настигающая. Тонкимъ музыкальнымъ ухомъ Хирамъ слушалъ **гуденіе** натянутой **на** колышки двухъ земныхъ **полюсовъ** струны, которая пела-пела-пела, когда ее задевали крылья птицъ и **насъкомыхъ**. Когда солнце восходило къ **зениту—все** живущее склонялось долу и тяжело дышало, не зная, что земному **свѣтилу** будетъ угодно испепелить и что помиловать. Когда же само солнце увядало, и на землю стекала прохлада, — по **всѣмъ** злакамъ, **кустамъ** и **де\***ревьямъ пробегала **игривымъ** змеенышемъ улыбка радости и уверенности въ завтрашнемъ **дне**. Съ вечерней зарей просыпались цветы ночные, особенно ароматныя; вылетали мотыльки, особо лакомые до редкихъ медовъ и драгоценнейшей душистой пыли. Тогда же выныривали изъ логовищъ звери съ горящими глазами и пружинными мускулами.

Ночью небо зацветало звездами — и Хирамъ - посвященный читалъ по ходу светилъ и планетъ судьбу большихъ людей и маленькихъ царствъ. Онъ бродилъ среди **звѣздъ**, какъ по млечной **аллеѣ** знакомаго сада среди двенадцати **цвѣточныхъ** зарослей. То, что вверху, какъ то, что внизу, единообразно создано по мысли Единого, придуманнаго человекомъ ради удобства и **упрощенія** мысли. Создатель преклоняется передъ своимъ **созданіемъ** — какъ поэтъ **слушаетъ звуки** лиры, считая ихъ божественными. А такъ какъ нетъ ни начала ни конца, ни рожденія изъ ничего, ни ухода въ ничто, и такъ какъ въ вѣчномъ **бѣгѣ** отъ истины къ новой истине **нѣтъ истины** последней, — то мысль человека и чувство человека подобны проростающему зерну, совершенному **растенію** и новому зерну, падающему въ ту же землю, чтобы прорости вновь и завершить кругъ вѣчнаго **постиженія**.

Вотъ каковъ былъ Хирамъ дремавшаго Егора Егоровича, а въ сердечко глухой ставни пламенеющимъ мечомъ врывался лунный светъ и **сіяющимъ** пятномъ **пробурав-**ливалъ стену. **Подобнаго** не бывало раньше — жизнь была, конечно, довольно удобной, но не **была** сказочной. **Дѣ-**

**ла-дѣлишки**, годы прибывали, волосы **сѣдѣли**, — а за-чемъ все это? И вотъ вошло въ жизнь новое, заманчивое не одной непонятностью, а и неожиданной красотой. Тутъ какъ на **островѣ**, а кругомъ, въ сущности, не **бушующій** океанъ, какъ стараются описывать нашу жизнь, а **правильнѣе** сказать томительное топкое болото. Мастеръ Хирамъ приходитъ изъ иного **Міра** — **настоящій** учитель мудрости и созидатель неизреченной красоты. Откуда берутся въ **головѣ** мысли, откуда рождаются картины, нигде не описанныя? Никакъ этого не объяснишь!

Хирамъ-мудрый, **Хирамъ-знающій**, **Хирамъ-всегда-творящій** вышелъ съ посохомъ изъ тирской земли и пришелъ въ землю довольно-таки противнаго царька Соломона, въ **тѣ** дни **собравшаго много кусковъ** золота и меди, согнавшаго въ одно место стада мирныхъ животныхъ и толпы такихъ же людей, легко подчинявшихся окрику погонщиковъ. Никакихъ тогда городовъ настоящихъ еще не было, а пришелъ Хирамъ черезъ пустыню, запылится, усталъ, одежда измятая... Первымъ деломъ выспался, а утречкомъ омылся самой холодной водой и надель какой-нибудь тамъ хитонъ египетскаго пурпура, — и только тогда къ Соломону. Соломонъ толстый, губа отвислая. Соломонъ его повель къ морю и показалъ груды дерева, пригнанныя съ Ливана по волнамъ, кедры, кипарисы, сандалныя деревья. **Какія-такія** сандалныя деревья? **Какія-нибудь** особенныя. Все это показалъ Хираму, потомъ золото где-нибудь въ сокровищницахъ, можетъ быть въ подземельяхъ. Все это **показываетъ** Хираму, и Хирамъ ему говорить:

— Я тебе построю, царь Соломонъ, такой храмъ, **равнаго** которому нетъ и не было на **свѣтѣ**. Равнаго какому нету. Храмъ не вечный, потому что вечнаго ничего нетъ; но такой храмъ, что память о немъ останется вечно. Вотъ сейчасъ, напримеръ, все-таки помнить, что такой храмъ былъ, храмъ Соломоновъ, хотя, собственно, строилъ то его не Соломонъ, а этотъ самый белокурый красавецъ, Хирамъ. Онъ былъ блондинъ, пришелъ изъ лесовъ, а **всѣ**

остальные черные. Я **тебѣ** построю храмъ, и веками и въ векахъ... но самъ-то не **вѣчный**. И действительно все время разрушается. Пожалуй, уже часовъ одиннадцать, а въ семь часовъ **непремѣннѣйшимъ** образомъ встать и поливать грядки, грядку за грядкой, все грядки въ порядке — стихи! До чего же въ деревне хорошо, чего тамъ въ городе построишь соломоново **вечно не** вечно, на время безконечно... Безконечность — пойми, а понять все хочется, хочется не можетъ, — и мирно и сладко засыпаетъ Егоръ Егоровичъ, плывя въ утломъ суденышке по озеру улыбокъ на **подобіе** какому бы то ни бы-ло на **свѣтѣ ко-раб-ли-ку, н-да-а**, почти что это **удивительно...**

\*\*  
\*

Утро прекрасное, утро солнечное, утро **счастливаго** человека, утро познающаго Природу! Въ крайне легкомысленномъ для служащаго крупной французской фирмы костюме, Егоръ Егоровичъ стоялъ на крылечке собственного дома и улыбался **міру** собственныхъ **ощущеній**. **Весенніе** цветы протирали глаза, роняя пыльцу желтыхъ ресницъ. Любовь настойчивая упорно преследовала любовь робкую. Гудела струна, натянутая между границами **Міра**. Солнце уверенно подымалось къ зениту, гоня утреннюю прохладу. Природа, заманчиво перелистывая страницы ей одной ведомой книги, ждала учениковъ, **нуждающихся** въ лучшей наставнице мудрости, чтобы открыть имъ все, доступное степени ихъ посвященія.

При дневномъ **свѣтѣ** мастеръ Хирамъ счелъ неудобнымъ **библейскій** нарядъ и принялъ видъ подрядчика, бродящаго со складнымъ метромъ по соседнему участку, где недавно былъ заложенъ домъ. — **Bonjour, monsieur! Que! beau temps! — Magnifique!** — Подрядчикъ похвалилъ садъ Егора Егоровича; Егоръ Егоровичъ высказалъ удивленіе, какъ быстро **итальянцы-рабочіе** строятъ домъ подъ руководствомъ мастера Хирама. — Къ **іюню** закончимъ,

**будуть** у васъ **сосѣди**. — Ну что же, это **пріятно!** **Послѣд-**нее Егоръ Егоровичъ сказалъ не **совсѣмъ** искренне, больше **изъ вѣжливости**.

Водрузивъ на примусъ кофейникъ, Егоръ Егоровичъ обошелъ свой садъ, пожурилъ крота за **изверженіе** вулкановъ, растеръ пальцами листокъ черной смородины, понюхаль, умилился, поразовался на землянику и замеръ въ восторге передъ тюльпаномъ, багряный **вѣнчикъ** котораго былъ оторочень белой каемкой. Съ круглой клумбы уткнулась въ Егора Егоровича тупая мордочка анютки, цветка **демократическаго**, но **раскормленнаго** и потому **называющагося** у французовъ «мыслью». Егоръ Егоровичъ протянулъ было руку къ сорной травке, выросшей тутъ незаконно, но **увидаль**, что и она цвететь белой звездочкой необычайной нежности. Онъ приселъ на корточки и принялся внимательно разглядывать клочекъ земли, доступный немного **близорукимъ** глазамъ — въ квадратный метръ. Клочекъ жилъ, дышалъ и суетился: травинки, букашки, червяки, **движеніе** обсохшихъ на солнце песчинокъ, прилетъ крылатыхъ посетителей, ихъ **некоробящіе** взора браки, невидимыя струйки весенняго аромата, — и среди нихъ одна резкая струя житейскаго, городского, которому тутъ места, какъ будто, не должно быть. Егоръ Егоровичъ потянулъ ноздрями и проверилъ впечатлѣше: несомненно пригорелый кофей. Тогда онъ догадался, заспешилъ домой и все-таки опоздалъ: на примусе дымился и потрескивалъ кофейникъ, въ которомъ не осталось благодатной жидкости, хотя кругомъ примуса было розлито ея немало.

Потушивъ примусъ и тряпочкой устранивъ неопрятность, Егоръ Егоровичъ опять вышелъ на крыльцо, чтобы подумать, какъ быть дальше. И вдругъ увидель, какъ изъ самодельнаго деревяннаго скворешника, который онъ въ прошломъ году привязалъ проволокой къ стволу **липы**, вылетела красногрудка. — Ахъ такъ! — сказалъ Егоръ Егоровичъ, — квартира понравилась! — и по-детски об-

радовался. — Пожалуй, даже раненько обзаводиться **дѣть-МИ** въ начале мая; но хозяйственная предусмотрительность **похвальна**. — Вотъ и **новая** жизнь зародится: изъ сиреневыхъ яичекъ вылупятся голые несмышлениши и въ короткое время вырастутъ, оперятся, охвостятся и станутъ самостоятельными гражданами сада. Все это очень **пріятно**. Все это утверждаетъ жизнь. И тутъ къ сердцу Егора Егоровича, маленькаго человека, но вольнаго каменщика, подкатила волна настоящей весенней радости, отъ которой хочется **пѣть** и смеяться. **Пѣть** онъ, однако, не **умѣлъ**, а смеялся тихо, про себя, главнымъ образомъ въ **сердцѣ**, подъ рубашкой съ растегнутымъ воротомъ, а на **лице** появилась хитренькая морщина и прищурились отъ света глаза. И тутъ же проснулось въ немъ почти непреодолимое желаніе выпить чашку горячаго кофею, но **немедленно**, не **ожида**я, пока будетъ вычищенъ кофейникъ и возжено новое пламя примуса.

Хирамъ сложилъ метръ и выразилъ полное **согласіе** сопутствовать мосе въ **недалній** кабачокъ. Онъ, правда, уже пилъ свой кафе-кремъ, но — въ виду солнечнаго утра — не откажется отъ аперитива.



Если бы не скудость словъ и не холодокъ белой бумаги; если бы не **застѣнчивость** автора, уставшаго улыбаться читателямъ всеми родами крашенныхъ масокъ; если бы не вечная проклятая боязнь остаться не до конца понятнымъ и вызвать скуку, — мы бы резко изменили весь тонъ нашей повести для техъ главъ, где мы видимъ Егора Егоровича **Тетѣхина** примкнувшимъ **ненасытными** устами ко груди матери-природы.

И действительно, мы выставляли его смешнымъ и **наивнымъ** добрякомъ, просили любить его почти въ шутовскомъ наряде. Мы и въ дальнейшемъ не беремся быть къ нему справедливее и великодушнее. Но сейчасъ, на огоро-



женномъ **дешевымъ** заборчикомъ **участкѣ** земли, заросшемъ корявыми липами, березами и каштанами, плохородящей французской земли, истощенной **поколѣніями** враговъ флоры и фауны, подъ солнцемъ и небомъ — слава **Природѣ!** — еще **непринадлежащими** никакому государству, мы рядкомъ съ нашимъ героемъ простираемся ницъ передъ **величіемъ** этой Природы, которая и въ измятыхъ и лохматыхъ одеждахъ остается для насъ единой царицей **и** повелительницей. Ни передъ к\*мъ рабы — только передъ Нею! И только Ей молитва — страстнымъ шопотомъ нем\*ющихъ губъ! **Побѣждать** Ее — никогда! Изумленно **смотрѣть**, учиться и в\*чно сливаться съ Нею!

Впервые за много л\*тъ Егоръ Егоровичъ испытывалъ прелесть одиночества вдали отъ городской жизни. Солнце безъ охоты склонялось къ закату, **тѣни** удлинились и **убѣ**гали на **сосѣдніе** участки. Въ будшій день малочисленные домики были на запор\*: по календарю ихъ хозяевамъ еще полагалось быть въ город\*. О томъ, что гд\*-то все же проживаютъ чудачки, **свидѣтельствовало** только п\*ные п\*туховъ.

Подоставъ коврикъ, чтобы не нажить **ишіаса**, Егоръ Егоровичъ прилипъ къ ступенямъ своего крылечка. Было радостно и прекрасно **смотр\*ть** никуда и слушать ничто. Въ этомъ никуда мелькали красноватые блики низкаго солнца на зелени и дорожкахъ, мудрствовали деревья, травы, цв\*ты. Въ этомъ ничто на вс\* тона и полутоны звен\*ли и жужжали мухи, жуки, комарики, предзакатно чивикали и посвистывали невидимыя пичуги. Съ неба плыль холодокъ, отъ земли — тепло.

И тогда Она простерла надъ нимъ дилейныя руки и благословила его на счастье творческаго познашя. Она не посчиталась ни съ его житейской малостью, ни съ сумбуромъ догадокъ и **знаній**, нахлестанныхъ изъ популярных книжечекъ и отставныхъ учебниковъ. Она разс\*кла ему грудь мечомъ, и сердце трепетное вынула, и уголь, пылающій огнемъ, во грудь отверстую водвинула. И тогда Егоръ

Егоровичъ услышалъ и понялъ то, чего не можетъ услышать и понять непосвященный.

**Запѣлъ пѣтухъ** — начально, хрипло и коряво; откликнулся другой — **увѣренно**. **Пропѣвъ**, оба петуха замерли въ ожидаши, наточивъ уши и спрятавъ въ себя когтистую ногу. И тогда издали-издали донеслись отклики, расписки въ полученш **пропѣвшимъ**, повестки съ **извѣщеніемъ дальнѣйшимъ**. Второй призывъ — и новые отклики, а первый призывъ уже убежалъ дальше, углубился, расширился, отъ дома къ дому, отъ села къ селу, катышкомъ и бисеромъ по поверхности земли, перейдя границы людскихъ делешъ, округовъ, странъ, замкнувъ кольцомъ города, какъ мертвыя площади, лишеныя ритуальной благодати. Покатилось къ экватору и полюсамъ священное петушиное слово, давно вышедшее изъ обиходнаго языка, какъ бы утратившее живой смыслъ, **тѣхъ-временъ** отзвукъ, когда и курица была птицей, и она носилась надъ лугами и лесомъ, перелетала реки и моря. Что оно значить, это слово? Можетъ быть это одно изъ техъ **понятій**, которыя нельзя, **непрстойно**, непринято въ обществе называть своимъ именемъ, — «любовь», «дружба», «счастье», что нибудь непременно солнечное и слишкомъ колючее для глазъ, привыкшихъ къ темноте, и для ушей, воспитанныхъ въ привычной **лжи**.

Опоясало землю великое петушиное «кукареку», лозунгъ братства и нерушимой связи, — что бы ни **было**, въ какомъ бы курятнике не загасли отдельные жизни, сколько бы пера и пуха не облилось кровью подъ хозяйскимъ **ножомъ**. И ужъ тутъ не было **отличій** и чванствъ въ окраске перьевъ, въ роскоши хвоста, наливке гребня, благородстве породы: все равно выкругляли грудь, хлопали крыльями, орали каждый свое — все одно и то же, ждали ответныхъ кликовъ, и, получивъ ихъ, успокоенно опускали нору и заносили ее для шага, клевали зерно, выхватывали, захлебываясь, изъ норки длиннаго червяка — и

созывали на пиръ любимыхъ женъ, лишенныхъ благодати **посвященія**.

— Такъ вотъ оно **что!** — думаль Егоръ Егоровичъ.

Мимо калитки его сада **пробѣжала** собака, нескладно плебейская, ничемъ не **примѣтная**. **Пробѣжала** озабоченно, непрестанно нюхая дорожку. Задержалась у лежавшаго камушка — **разсчетливо** прыснула **помѣту**, **побѣжала** дальше, завернула въ отворенную калитку пустынного участка, что-то отметила тамъ, **заспѣшила** дальше. Видель Егоръ Егоровичъ со своего крылечка, какъ та же собака **дѣловито** завертывала на минутку въ участки жилые, **гдѣ** были конуры ея ближнихъ, **истинно—почтальонъ**, **разносящій** письма, газеты и срочныя **извѣщенія**.

Прошло столько-то собачьихъ минутъ — и **тѣмъ** же путемъ пробежалъ другой несуразный косматый песикъ, останавливаясь на **тѣхъ** же местахъ, заворачивая въ **тѣ** же закоулки, оставляя ответъ на прочитанныя записки. А когда, после нихъ, неосмысленная женщина провела въ обратномъ **направленіи** фокса на короткой привязи, — фоксъ рвался, тянулъ ремень и старался коснуться того же камушка, поднять ногу у того же столбика, какъ и раньше **пробѣжавшіе** его собачьи сородичи. И было ясно, что на этомъ столбике, на камушке, въ **колючихъ** травахъ пустыря, за калиткой жилого участка, — повсюду были условныя приметы, **пахучіе іероглифы**, пароли и отзвы тайнаго союза всехъ собакъ, независимо отъ ихъ **породы** и ихъ общественнаго положенія, знаки великихъ усилій грубо разбитаго людьми собачьяго братства — сохранить **общеніе** и передавать изъ рода въ родъ веками сохраненную тайну.

— Такъ вотъ оно что! — подумаль Егоръ Егоровичъ.

И вдругъ **онъ** увидалъ, что въ боковой аллейке, въ последнемъ луче солнца, раздвинувшемъ гущу листвы, танцуютъ ровнымъ столбикомъ и фигурно суетятся не то комарики, не то мошки. Иная ненадолго **отлетитъ** въ сторону, сделаетъ петлю — и опять ринется въ толпу. Тан

цуютъ они долго и прилежно, **другъ** друга не **задѣвая**, рисуя въ воздухе неведомый **чертежъ**, замысловатую сетку, и это зачемъ то нужно, есть какой-то тайный смыслъ въ непрерывномъ **ритуальномъ** танце. Если пройти по дорожке и размахать по сторонамъ мушиное **собраніе**, — оно сейчасъ же соберется опять въ той же точке и съ тою же правильностью пляшущаго строя. Забава? Митингъ? Вечеринка? Потребность? **Имей** тонкое ухо — услышишь музыку соборнаго полета, но тайный смыслъ его сокрытъ отъ **непосвященныхъ**.

А куда улетають одиночки? Не послами ли отъ одного пляшущаго столба къ другому, не вестниками ли **грядущаго объединенія всѣхъ** мошекъ и комариковъ всего **Міра? Неть**, тутъ намъ все-равно не понять и не разобраться! Но дрожить въ сердце человека созвучная струна, — братья мои петухъ и песикъ, сестры мои **мошки**, мать моя земля, — а передъ тобой, великая Природа, книга непрочитанная, тайна не раскрытая, — передъ тобой не равны ли и я, человекъ, и малая, будто бы не разумная, разумомъ моимъ недогаданная мошка?

**И** Егоръ Егоровичъ подумалъ:

— Такъ вотъ оно что!

\*\*

Что знаешь ты, человекъ? Ты просыпаешься бодримъ **огурчикомъ**, настезь распахиваешь **солнцу** дверь своего жилища и говоришь:

— Благословень сей светлый день, **сулящій** намъ радость!

Ты не видишь, что чашечка чуткаго цветка лишь полураскрыта, не слышишь тишины, **смигнувшей** обычное немолчное чирьканье **птиць**. Солнце **слѣпнеть** твои глаза, скрываетъ отъ тебя дальнее облачко, которое скоро вырастетъ въ тучу съ градомъ и холодомъ.

**И** въ ту самую минуту, когда ты, повязавъ **фартукъ** до-

браго садовника, съ корзиной **рѣзаной** соломы идешь уготовать ложе для будущаго урожая четырехсезонной земляники, — тебя **окликаеть** у калитки знакомый голосъ:

— Егоръ Егоровичъ, Гриша, въ какомъ ты невозможномъ **видѣ**! А мы **цѣлой компаніей**!

И правда — у калитки Анна Пахомовна, Жоржъ и милый гость — Анри **Ришаръ**. Недаромъ сегодня воскресенье.

Анна Пахомовна оживлена и нарядна, если не какъ ранняя весна, то какъ позднее лето, славное нескромной яркостью красокъ. Жоржъ желтъ отъ усиленныхъ занятій и неуклюжъ въ **обстановкѣ** сада. Анри Ришаръ везде у места, ловокъ и любезенъ. За первыя пять минутъ онъ успеваеть въ лучшихъ и **умѣстнѣйшихъ** словахъ выразить все, что можно, не покрививъ душой, сказать о здоровомъ загаре шефа бюро, о его живописномъ наряде, о миловидности домика, объ упоительности сада и вообще о прелестяхъ сельской жизни, которую мы, горожане, мы, парижане, такъ мало умеемъ ценить. При этомъ Ришаръ, пятась, чтобы уступить мадамъ дорогу къ цветнику, давить прекрасно **начищеннымъ** башмакомъ семью анютиныхъ глазокъ, которыми такъ гордился Егоръ Егоровичъ и которые онъ такъ холилъ. Анна Пахомовна прямо проходитъ къ клумбе съ тюльпанами, срываетъ самый **яркій** цветокъ — багряный, отороченный белой камкой — и прикалываетъ его къ сорокалетней груди. Жоржъ легкой тросточкой сшибаетъ головки маргаритокъ. Затемъ Анна Пахомовна беретъ подъ руку Анри и ведетъ его показать комнаты въ домике. До порога **опъ** **щебечеть** по-французски, стараясь выхаркивать букву эръ и громче, **чѣмъ** требуется, какъ бы любуясь свободой и звучностью **прекраснаго** языка; но, переступивъ порогъ, она восклицаетъ по-русски:

— Фу, какая гадость! Ты съ ума сошелъ, Гриша!

И обиженно и негодующе уводитъ Анри обратно въ садъ.

Егоръ Егоровичъ искренно смущень и **спѣшить** прибрать случайно разбросанный въ первой **комнатѣ** части не вполн\* св\*жаго б\*лья. Онъ забылъ о воскресномъ дн\* и не ждалъ гостей. **Его** защищаетъ другъ **Ришаръ**, резонно доказывая, что въ деревн\* не должно быть **стѣсненій** и что вообще мы, горожане, мы, парижане, слишкомъ обставляемъ свою жизнь условностями, а между т\*мъ природа такъ прекрасна и такъ чудесно вдыхать воздухъ, не насыщенный бензиномъ и **человѣческой** злобой.

— Bravo, mon chef! — говорить онъ, ободряюще хлопывая Егора Егоровича по плечу. — Bravo, mon chef frère, — **прибавляетъ** онъ ласковымъ шепотомъ. Въ голос\* Анри **нѣжность** и покровительство къ старому и, въ сущности, безвредному чудаку.

Зат\*мъ Анна Пахомовна изъ гости **превращается** въ хозяйку. По ея указанію Жоржъ и Анри выносятъ небольшой круглый столъ и ставятъ его на лужайк\* молоденькой, только что выращенной травы, собственноручно Егоромъ Егоровичемъ пос\*янной (**англійскій** газонъ для зат\*ненныхъ м\*сть). Сюда же четыре стула. Холодные закуски привезены съ собой, **сладкій** тортъ также. Прелестный пикникъ! Гости оживлены, Егоръ Егоровичъ также старается быть любезнымъ и **привѣтливымъ**; хотя его сердце страдаетъ за примятую траву и поломанные цв\*ты. Любознательный Жоржъ швыряетъ камушки въ **птичій** домикъ на **деревѣ**, и оттуда въ **ужасѣ** вылетаетъ красногрудка.

Посаженный на стулъ, ножка котораго проваливается въ рыхлую землю, Егоръ Егоровичъ безъ особаго аппетита жуетъ вѣтчину, потомъ пирожное, потомъ опять вѣтчину, потомъ пьетъ черный кофе, отлично приготовленный Анной Пахомовной, потомъ боится, что ему предпшуть чистенько од\*ться и сопровождать гостей въ ихъ прогулк\* по окрестностямъ, хотя никакихъ окрестностей, въ сущности, н\*тъ, а есть р\*заная на квадратики земля, и каждый квадратикъ огороженъ заборомъ, а за каждымъ

заборомъ собачья будка, капустная гряда, розовый кустъ и вывешенное для просушки кислое **одѣяло**. Къ большому **удовольствію** Егора Егоровича, его на прогулку не берутъ, а просто Анна Пахомовна заявляетъ: — ну, мы пойдемъ гулять, а ты пока тутъ приберешь, Егоръ Егоровичъ. — Чудесно, чудесно, я и воды вскипачу **къ** вашему **возвращенію**, чайку выпьемъ. — Да нетъ, уже не **успѣемъ**, мы **уѣдемъ** съ первымъ **поѣздомъ**. — Такъ скоро? Какая жалость!

Вольный каменщикъ немного кривить душой. Но это — чтобы не **обидѣть**, чтобы сказать **пріятное** милымъ гостямъ. **Посѣтили-таки** его въ его **удиненіи**.

По уходе гостей, онъ уносить столъ и стулья, **съ** грустью убеждаетъ, что молодой газонъ, только разъ подстриженный, совершенно затоптанъ, собираетъ разбросанные по траве кулечки и бумажки, идетъ взглянуть на пострадавшую грядку анютиныхъ глазокъ, долго ждетъ, не вернется ли въ гнездо вспугнутая птичка, — и тяжело вздыхаетъ. На лоне природы какъ то отвыкаешь отъ людей... Немножко обидно, что сломали отличный георгинъ, только что пробуравившій землю крепкимъ и жирнымъ росткомъ. Тюльпаны Анна Пахомовна срежетъ на букетъ. Ну что-жъ, если ей цветы нравятся.

Егоръ Егоровичъ мужественно беретъ садовыя ножницы и **настригаетъ** ветокъ цветущаго жасмина, спиреи, всякой декоративной травки, крупныхъ садовыхъ вазильковъ. Обидно, что розы еще въ бутонахъ. То-есть, собственно, одна роза расцвела, именно сегодня, и, пожалуй, самая красивая, миссъ Эллень Вильмо, но какъ срежешь единственный цветонокъ! Егоръ Егоровичъ любитъся, отходить, приближается, потомъ, зажмурившись, съ быстротой и решительностью отхватываетъ ножницами полураспустившуюся красавицу **вмѣстѣ** съ ненужно-длиннымъ побегомъ. Эллень Вильмо въ отчаянной самозащите колетъ иглами палецъ Егоръ Егоровича. — Эхъ, зря загубилъ еще два бутона! Ну, а ужъ остальнымъ займется сама Анна Па-

хомовна, большая искусница по части букетовъ. Жаль, что цветовъ пока мало.

Неужели красногрудка такъ и не вернется? Какой неразумный юноша — Жоржъ! Это все оттого, что не **учать** ихъ относиться съ **уваженіемъ** къ жизни маленькихъ **существъ**. Въ **школѣ** не учать, а **родителямъ** некогда.

Гости возвращаются черезъ **часть**. Анна Пахомовна въ прежнемъ весеннемъ **оживленіи**, но съ **поникишимъ** тюльпаномъ на груди; мужчины **нѣсколько** усталыми. По **мнѣнiи** Анри Ришара — местечко прелестно и **имѣеть** будущее; Жоржъ **пріятно** удивленъ, **что недалеко** устроена теннисная площадка, которой раньше не было. Анна Пахомовна выбрасываетъ половину настриженныхъ мужемъ **вѣточекъ** и создаетъ поистине **замѣчательный букетъ**; въ которомъ миссъ Элленъ Вильмо едва заметна.

Прощанье ласковое и почти трогательное; въ особенности миль Анри Ришаръ, который долго трясетъ руку Егора Егоровича:

— **Au revoir, mon noble Cincinnatus! Nous vous laissons à votre charrue!**

Егоръ Егоровичъ долго стоитъ у калитки, чтобы, если гости оглянутся, помахать имъ рукой. Когда они, наконецъ, скрываются изъ виду, онъ, накинувъ **крючокъ**, тихонько-тихонько приближается къ дереву съ **потревоженнымъ** скворешникомъ — и расплывается въ улыбку: красногрудка сидитъ на **вѣткѣ** близъ **гнѣзда**.

— Ну-ну, все въ **порядкѣ**, — говоритъ Егоръ Егоровичъ. — Жоржъ — мальчикъ легкомысленный, но не злой. Будемъ заниматься своими делами.

Приступая къ вечерней поливке, онъ меняетъ парусиновые туфли на сабо.

\*\*  
\*

Белая акація выпускаетъ зеленое резное кружево позже всехъ деревьевъ. Листья рождаются между двумя колочками, а вместе съ листьями выползаетъ пучокъ зеле-



ной икры, которая должна превратиться въ кисть **ароматнѣйшихъ** цветовъ. На это дерево Егоръ Егоровичъ **смотритъ** съ набожнымъ **восхищеніемъ**, и потому, что оно даже и безъ **цвѣта** прекрасно (ясное и прозрачное среди **всѣхъ** другихъ), и потому, что **акація** для вольнаго каменщика — дерево священное.

Въ середине отпускнаго месяца Егоръ Егоровичъ **сѣзидилъ** на одинъ день въ Парижъ по **делу** важнейшему, а оттуда вернулся уже не темъ, **чѣмъ** былъ раньше, и чашу гордости и радости довезъ, не расплескавши.

Теперь **несокрушимыя** подошвы его сабо шаркали по двумъ последнимъ четвертямъ универсальнаго круга герметической квадратуры. Былъ человекъ подобенъ утру и восходящему дневному светилу; следуя **движенію** земли, сталъ онъ человекомъ полудня и зенитнаго солнца. Былъ **человѣкъ** какъ будто мертвымъ зерномъ, но пустилъ ростокъ и расцвелъ въ пышности; онъ уже готовился къ **Деланію** и былъ допущенъ къ **розысканію** истиннаго философическаго огня. Былъ человекъ весной — сталъ горячимъ летомъ. И въ то время, когда путь казался ему свершенимымъ и **цѣль** близкой къ **достиженію**, — вдругъ померкъ светъ пламенеющей звезды, солнце склонилось къ закату, **лѣто** къ осени и зиме, осыпались лепестки цветка, философская ртуть почернела, и въ лицо человеку пахнуло тлешемъ:

— Смерть? — воскликнулъ человекъ.

— Да, врата мудрости, — отвѣтилъ ему черепъ, лязгая челюстями.

Смерть ли, мудрость ли, — но радостью **пріемлетъ** каменщикъ высшую степень голубого **посвященія**.

Въ Париже Егоръ Егоровичъ **успѣлъ** навестить и профессора. Румяный отъ загара вольный каменщикъ вошелъ въ комнату профана, лицо котораго было пергаментнымъ. Кожа **Лоллія** Романовича незаметно переходила въ седину бороды; съ такой кожей люди живутъ недолго и неохотно, и умираютъ отъ рака, если только ихъ

**блѣдность** не объясняется голоданьемъ. Впрочемъ это не **Лоллій Романовичъ** **измѣнился** — это сказалась привычка Егора Егоровича **видѣть** передъ собою **яркіе весенніе** цвета.

Идя къ ученому другу, онъ **заранѣе рѣшилъ** предложить ему денегъ. **Непріятно** сознавать себя благополучнымъ и почти **счастливымъ**, въ то время, какъ **близкій человекъ** въ нужде. Вынимается **бумажникъ**, извлекается изъ него солидная, но не слишкомъ раззорительная сумма, **послѣ** чего на **нѣкоторое** время не то чтобы создается равно**вѣсіе**, а все-таки **несоотвѣтствіе** не такъ разительное. Будь Егоръ Егоровичъ богатъ, онъ обезпечилъ бы **Лоллія** Романовича и, можетъ быть, еще **нѣсколькихъ** такихъ же **замѣчательныхъ** людей, страдающихъ отъ нищеты и **вынужденнаго бездѣлья**, полнымъ **пансіономъ** и предоставилъ бы имъ двигать впередъ науку, искусство и литературу. Участь богатыхъ людей завидна, и странно, что большинство изъ нихъ такъ безвкусно пользуется **своимъ состояніемъ** и такъ скупъ на **помощь**. **Сколько** предложить профессору? Впрочемъ, онъ все равно возьметъ только двадцать франковъ, и то съ неохотой, словно бы лишь для того, чтобы не обидеть Егора Егоровича отказомъ. А если предложить ему отдыхъ въ деревне, хотя бы на остающіяся две недели отпуска?

Вотъ это, будемъ откровенны, менее всего устраивало бы Егора Егоровича, дорожившаго одиночествомъ, столь ему любезнымъ и столь **необходимымъ**. Нетъ, это было бы настоящей жертвой, притомъ какой-то вынужденной, вымученной, даже нехорошо.

Храбро одолевъ четыре этажа, **вольный** каменщикъ **приостановился** на предпоследней площадке. Хорошо бы, если бы **Лоллій Романовичъ** согласился взять больше, франковъ двести-триста. Деньги, вообще, несколько портятъ **отношенія**, но между старыми **пріятелями**...

Войдя, наконецъ, въ комнату ученаго друга, Егоръ Его-

ровичъ безъ **малѣйшей** подготовки и къ большому своему **удивленію** сказалъ:

— Вотъ радъ, что васъ засталъ! Нашъ **поѣздъ, Лоллій Романовичъ**, отходитъ завтра въ десять съ четвертью утра, конечно, съ Севернаго **вокзала**.

— Вы везете меня въ **Россію**?

— Пока къ себе въ деревню, этакъ недели на **две**. И не пытайтесь отказываться! У васъ нетъ срочной работы?

— Дорогой **Тетѣхинъ**, я пересталъ клеить коробки, такъ какъ, въ качестве иностранца, я индезирабелень. Но это, я надеюсь, временно, потому что врядъ ли достойный гражданинъ Франціи согласится работать на столь умеренныхъ **условіяхъ**. При томъ мне казалось, что я чрезвычайно талантливо исполнялъ въ последнее время работу. Я могу показать вамъ **оставшіяся** у меня образчики.

— Къ чорту коробки, по крайней **мѣрѣ** на **две** недельки. Жду васъ завтра на вокзале, или, лучше всего, зайду за вами не позже половины десятаго. Захватите все вамъ необходимое. Идетъ?

— Вообще — да, поскольку речь идетъ не о чрезвычайно большомъ багаже. Вы, вероятно, заметили у меня зубную щетку? У васъ прекрасный видъ, дорогой Тетѣхинъ! Вамъ бы нужно всегда жить въ деревне.

И вотъ, въ то время, какъ Егоръ Егоровичъ смотритъ восхищенно на одевшуюся светлой и ясной зеленью акацію, голосъ за его спиной говоритъ:

— Вотъ уже минутъ пять я наблюдаю, какъ вы стоите въ неподвижномъ созерцаніи. Значитъ ли это, что вы молитесь?

— И правда — молился, **Лоллій** Романовичъ! Такое деревцо, что стоитъ и помолиться на него.

— Во всякомъ случае въ длинномъ списке деревьевъ, которыя были предметомъ культа, **акаціи** принадлежить не последнее место.

Да, Егоръ Егоровичъ объ этомъ кое-что знаетъ. Съ какимъ **удовольствіемъ** онъ поделился бы своимъ знашемъ

съ ученымъ другомъ, который, между тѣмъ, продолжаетъ:

— И однако было бы патріотичнѣе молиться на березу или на ель, особенно намъ, казанцамъ.

— Ужъ тогда на пихту.

— Согласенъ. Прекрасное дерево. Замѣтите, что лучший пихтовый экстрактъ гонять въ Царевококшайскѣ.

Земляки смотрятъ другъ на друга и привѣтливо улыбаются. Егоръ Егоровичъ чувствуетъ внезапный приливъ безграничнаго дружелюбія къ Лоллію Романовичу. Повидимому тѣмъ же чувствомъ зараженъ и профессоръ, необыкновенно живописный въ спальныхъ туфляхъ на босу ногу, въ несвежей денной рубашке съ торчащей праздничной шейной запонкой, и въ широкополой соломенной садовой шляпе Егора Егоровича. Зеленая ложа сада окружена опоясомъ братскихъ чувствъ; тень акаціи прозрачна и пропускаетъ солнечные блики. Егоръ Егоровичъ прочувственно говоритъ:

— Я очень счастливъ, Лоллій Романовичъ, что вы согласились у меня погостить. Конечно, я плохой для васъ товарищъ, то-есть по моему слабому образованію; но я надеюсь, что вы можете здѣсь хорошо отдохнуть.

По пергаменту профессорскаго лица пробѣгаетъ легкая розоватость.

— Дорогой Тетѣхинъ, я не умею говорить чувствительныхъ речей. Но я бы не уклонился, если бы вы пожелали меня обнять подъ этимъ живописнымъ деревомъ.

Къ счастью, ихъ никто не видитъ.

### ЗАБАВЫ МАРИАННЫ

Мадамъ Жанэть, приходящая прислуга, работаете у Тетѣиныхъ дважды въ день по полтора часа: утромъ — общая уборка, главнымъ образомъ вывѣшивание простынь на балкончике; вечеромъ — помощь въ обѣдѣ и мытье тарелокъ. Основная специальность мадамъ Жанэть — руч-

ка **входной** двери; эту ручку она чиститъ кислотами и порошками, треть подолгу тряпкой, а **послѣ** тряпки особой суконкой. Ручка отражала бы солнце, но солнца нетъ, и она отражаетъ **свѣтъ** лампочки. Ручка **привѣтствуетъ** входящихъ и **напоминаетъ** имъ, что здесь живутъ порядочные и хозяйственные люди. Кроме того мадамъ Жанэтъ наводитъ лоскъ на видныя места паркета, не посягая на углы **комнатъ**, и не позволяетъ пыли оскорблять каминные обжедары. На шкапахъ и подъ ними покоится пыль, также и за картинами, висящими съ противоестественнымъ наклономъ.

Разъ въ неделю, чаще всего въ день **субботній**, Анна Пахомовна сама надеваетъ серый пыльникъ, повязываетъ платкомъ индефризабли и **проникаетъ** пылесосомъ въ места, презираемая мадамъ Жанэтъ. Пылесось втягиваетъ въ длинную глотку пепель Егора Егоровича, пудру самой Анны Пахомовны и теннисную пыль Жоржа; иногда **пылесось** проглатываетъ, не поперхнувшись, запонку или иголку, которыя шелкають въ трубе.

Ящикъ стола Егора Егоровича и особое **отдѣленіе** его книжнаго шкапа вообще неприкосновенны и заперты на ключъ, а ключъ лежитъ на столе въ японской коробочке, на крышке которой **аистъ смотритъ** на Фузи-Яму. Святость тайны, конечно, не обязательна для Анны Пахомовны, которая знаетъ, что въ шкапу хранятся глупыя книги и брошюры, а въ ящике стола лежатъ таинственные документы, **маленькій** замшевый передникъ съ завязками, **похожій** на **дѣтскій** слюнявчикъ, и черная маска. Анне Пахомовне **пріятно**, что ея мужъ занимается таинственными нелепостями; такъ же было ей **пріятно** обнаружить у Жоржа какое-то **грошсвоє** дамское колечко, очень непристойную открытку и **пакетикъ** съ **гигієнічесскими** предметами, доказывающими, что Жоржъ уже мужчина и при томъ осторожный.

У cadaго человека есть свое секретное **отдѣленіе**; есть, конечно, и у Анны Пахомовны. Гуль пылесоса не **ме-**

шасть ей загадочно улыбаться. Въ ея секретномъ **отдѣленіи нѣтъ** никакихъ особенныхъ предметовъ, кроме неизбежныхъ у каждой женщины и неинтересныхъ даже для мадамъ Жанэть. Улыбка Анны Пахомовны относится, такъ\* образомъ, не къ вещамъ, а къ **воспоминаніямъ**, но чрезвычайно тайнымъ и весьма **грѣховнымъ**.

**Аннѣ** Пахомовне сорокъ **лѣтъ**. Если Оы какая-нибудь парижская девушка въ возрастѣ Жоржа заглянула въ секретное **отдѣленіе** Анны Пахомовны, она сначала удивленно подняла бы выщипанныя и вновь наведенныя брови, ничего не заметивъ, а потомъ захлебнулась хохотомъ: и это — все? Однако для женщины, только что вступившей на путь грѣха, достаточно и этихъ маленькихъ ожоговъ. **Все воспоминанія** Анны Пахомовны сводятся къ несколькимъ словамъ, **французскій** смыслъ которыхъ въ общемъ смутенъ, и къ двумъ-тремъ **прикосновеніямъ** вполне яснаго значенія. Анри Ришаръ дерзокъ, но и остороженъ; очевидно онъ ждетъ, чтобы Анна Пахомовна сама поощрила его на некоторые поступки. Однако въ такси онъ былъ воленъ; она отпугнула его почти девичьей стыдливостью. Если бы онъ предпослалъ своимъ поступкамъ необходимыя слова и **объясненія**, чтобы это не было **грубымъ**, Анна Пахомовна даже не знаетъ, что **могло** бы случиться, потому что она почти потеряла голову. Она и сейчасъ водить щеткой пылесоса по совершенно чистому месту и вздрагиваетъ отъ грѣховныхъ **ощущеніи**. Вероятно другая на ея **мѣстѣ** не стала бы разсуждать. Но пусть онъ знаетъ, что она — не «другая». А затемъ этотъ случай дома, когда Жоржа не было... И если бы Жоржъ не вернулся...

Пылесось, попавъ на щель въ полу, или отъ **смущенія**, гудитъ неистово, захлебывается, кашляетъ **и** чмокаетъ. Не въ его силахъ предостеречь Анну Пахомовну отъ ужаснаго **паденія**, но онъ делаетъ все, что можетъ: онъ готовъ высосать изъ ея головы и унести черезъ трубу въ пылевой мешокъ весь мусоръ грѣховныхъ мыслей. Онъ бега**етъ** за нею на салазкахъ, ёрзаетъ, поворачивается, подска-

киваетъ, недовольно замолкаетъ, подчиняясь нажиму пуговки, и снова угрожающе воеетъ. **Пылесось—утренняя симфонія** Анны Пахомовны, которая любитъ **все механическіе** шумы: пылесось, **грамофонъ, радіо**, гуденье подъемной машины, урчанье автомобиля, взрывы мотоциклетки и рокоть небснаго пакостника — **аэроплана**. Анна Пахомовна полна неисчерпаемой **энергии**, но **сорокалѣтній** быть заткнулъ ее **глушителемъ**. Въ Казани, **ставъ** хозяйкой, она до страсти любила бывать на **базарѣ, гдѣ** татары хватали за юбку, заманивая въ лавченки и предлагая сафьяновые полсапожки, знаменитое мыло и апельсины-лимоны. По воскресеньямъ **ѣздили** на пароходныя пристани къ приходу пассажирскихъ, и Волга **гудѣла** свистками и капитанской руганью, не превзойденною въ другихъ **профессіяхъ**. Во вкусе Анны Пахомовны былъ и Парижъ, особенно улицы ихъ квартала — Commerce, **Vaugirard**, — съ **вѣчной** толпой, мясными тушами, полосатыми диванами, кривками, **готовымъ** платьемъ, лотками зелени, шагающими **выѣсками** кино и зубныхъ врачей. Кроме этого была еще жизнь большихъ бульваровъ, Монмартра и улицы Пигальи, — но тамъ Анна Пахомовна робела и не знала, хорошо ли сидитъ на ней пальто и не устарелъ ли фасонъ ея шляпки. Свободнее она чувствовала себя на русскихъ эмигрантскихъ балахъ: на балу инвалидовъ, где не было инвалидовъ, на балу писателей, где были и инвалиды и ихъ читатели, было парадно и очень тесно, выступали на эстрадахъ малолетшія балерины и артистки императорскихъ театровъ сковырнувшейся имперіи, а античныя женщины презрительно продавали бутерброды. Это былъ, конечно, большой светъ, но въ немъ Анна Пахомовна не терялась **по** причине давно свершившагося **уравненія**.

**Умолкнувшій** на минуту пылесось набрался силъ и завелъ прежнюю волынку. Нужно совершенно не знать Анны Пахомовны, чтобы думать, что она склонна къ грехопаденію. Грехъ **чаруетъ** ее **вниманіе** на экране кинематографа и въ книжке романа. Она ощущаетъ его въ воль-

ныхъ словахъ и нескромныхъ взглядахъ, даже въ замысловатыхъ складочкахъ и покрое собственнаго платья, шитаго по весенней модѣ. Грѣхъ манитъ Анну Пахомовну, портить ее, немножко беспокоитъ и рисуетъ ей необыкновенно соблазнительныя картины. Но эти картины разрешены цензурой мѣщанскаго благоразумія. Анри Ришаръ бросается на колени и страстно восклицаетъ: — Мадамъ, вы видите, какъ я страдаю! Скажите только одно слово — и я буду счастливъ! — Это бесполезно, Анри, я не могу вамъ принадлежать. — Неужели вы хотите моей смерти? — Не говорите этого, Анри, вы еще молоды, вы полюбите другую и забудете объ этомъ слишкомъ случайномъ увлеченіи. Останемся друзьями, Анри! — Онъ сжимаетъ руками пылающіе виски и глухо стонетъ: — О, не лишайте меня хотя бы надежды! — Мой бедный, бедный другъ, — говоритъ Анна Пахомовна подъ вой пылесоса, — **судьбѣ** было угодно, чтобы мы встретились слишкомъ поздно. Анри, я старше васъ, — хотя этого говорить не къ таму, а лучше просто: — Анри, зачемъ скрывать, я также люблю васъ, Анри! Но я отдана другому и не могу дѣлать егб несчастнымъ. — Онъ подымается и, шатаясь, идетъ въ переднюю; на порогѣ онъ останавливается и бросаетъ послѣдній пламенный взглядъ надежды. Минута — и Анна Пахомовна можетъ потерять голову. — Стойте, Анри! Подойдите ко мнѣ! — Онъ бросается къ ней съ открытыми объятьями, но она, сдѣлавъ надъ собой невероятное усиліе, властнымъ жестомъ останавливаетъ его порывъ: — Мой мальчикъ, вотъ все, что я могу вамъ дать! (Мои garçon, voilà tout ce que je peux vous donner, — или je puis? Лучше je peux). — И, нежно взявъ обеими руками голову любимаго человека, она ласково, чистымъ материнскимъ поцелуемъ касается его лба. Клубокъ слезъ подкатывается къ горлу добродетельной женщины; наклонившись, она нажимаетъ пуговку пылесоса, который немедленно понижаетъ тонъ и умолкаетъ. Анна Пахомовна беретъ его за шиворотъ и втискиваетъ въ ящикъ, бережно



уложивъ на надлежащія места тугую трубу, шнуръ, металлическія части и щетку. Затѣмъ, съ тою же грустной и всепрощающей улыбкой женщины, сознательно отказавшейся отъ запретнаго счастья, Анна Пахомовна мягкой желтой тряпкой вытираетъ на камине две лысины: Федора Достоевскаго и Жанны д'Аркъ.

Пришелъ Жоржъ. Сегодня, по случаю субботы, Егоръ Егоровичъ, отпускъ котораго кончился, завтракаетъ дома. Нужно накрыть на столъ. Жизнь продолжается, и никто никогда не узнаетъ о жертве, которую только что принесла своей семьѣ образцовая русская женщина.

\*\*

14 июля Парижъ танцуетъ на улицахъ: все, что осталось существеннаго отъ взятія Бастиліи и последовавшихъ затѣмъ событій. Погода въ этотъ день старается быть любезной. 15 июля Парижъ уѣзжаетъ изъ Парижа, главнымъ образомъ подъ Парижъ, но кто можетъ — на море. Прошлымъ лѣтомъ Анна Пахомовна рѣшила, что этимъ лѣтомъ поѣдетъ въ Жуанъ-ле-Пэнъ или на океанъ. Но уже въ конце юля она заявила Егору Егоровичу, что экономнее будетъ ей поехать на парижскій пляжъ въ маленькій курортъ, который очень хвалить этотъ твой Ришаръ; онъ даже обещалъ заказать ей и Жоржу комнаты въ скромномъ, дешевомъ и очень приличномъ пансіонѣ. — Ну что-жъ, это чудесно, и тебе будетъ веселее. — Я, главное, для Жоржа, ему очень полезно купаться. А почему веселее? — Но, вероятно, и Ришаръ поедетъ туда же, его отпускъ въ середине августа. — Ахъ да, онъ что-то такое говорилъ; Жоржа очень утомили экзамены и опъ малокровенъ. — Чудесно, чудесно, тебе тоже хорошо отдохнуть. — Это не курортъ, никакихъ особенныхъ нарядовъ тамъ не нужно. Вотъ только купальный костюмъ у меня ужасный! И Жоржу панталоны для тенниса. — Конечно, конечно, ты ужъ тамъ сообрази.

У Анны Пахомовны есть собственная сберегательная книжка, и она скуповата. Но на этотъ разъ кое-что придется затратить изъ собственныхъ **сбереженій**, и Егору Егоровичу знать объ **этомъ** не къ чему. Предстоитъ **недѣля бѣготни** по большимъ магазинамъ и ссоръ съ портнихой, которая ничего въ срокъ не **дѣлаеть** и переуживаетъ платья. Ей говорить **человѣческимъ** языкомъ: здесь **сдѣлайте** складочки, а тамъ **пустите 'свободно**; и она непременно сделаетъ складочки тамъ, а здесь пустить обтянуто. Анна Пахомовна терпеть не можетъ обтянуто! Какъ не экономя, а для пляжа, кроме купальнаго костюма (неужели непременно нужно съ этимъ огромнымъ вырезомъ на спине! Что за ужасъ!), еще надо соломенную шляпу съ большими полями, положимъ, это не дорого, и пестрый зонтикъ, хотя я решила загорать. Затемъ резиновый поясокъ (зеленый? **бѣленькій**? красный? лучше красный!), и тогда, значить, тоже красный чепчикъ, легкую плетеную сумочку, и это — все. Кюлотинъ или кашъ-сѣксъ? Два **кюлотина** и два кашъ-сѣкса. Черный лифчикъ — это просто необходимо. А главное все эти неизбежныя мелочи — ленточки для бретелекъ, пуговицы, прѣсьсоны, нитки филь-а-ганъ, потомъ лосьонъ для лица, пудра Рашель, и не первый номеръ, а второй, для юга, то-есть для лета, и еще пудра **Окръ**, когда загорю, потомъ вазелинъ, одеколонъ, мои духи келькъ-флеръ, я безъ нихъ не могу, мыло, гальманинъ для подмышекъ, душистые кубики для ванны, ну тамъ сервьеть-иженикъ и прочее, все пустяки, но наберется множество, не забыть ренъ-де-кремъ, лучше въ тубикахъ, лакъ для ногтей, ружъ, римель, — Господи, ну когда я все это успею, остается только неделя! А купальный халатъ! Старый не-воз-мо-жень!

Вагоны метро, трамваи и автобусы подхватываютъ Анну Пахомовну, довозятъ, вышвыриваютъ, снова подхватываютъ, уже съ наборомъ пакетовъ и пакетиковъ. Фуры **большихъ** магазиновъ тормозятъ на улице Конвансьонъ. Вместо второго номера Рашель, необходимаго для юга,

то-есть для лета, изъ пакета нагло выползь номеръ первый. Это возмутительно! Было ясно сказано: номеръ второй. И кто покупаетъ на августъ номеръ первый! Портниха, какъ на зло, слишкомъ выпустила тамъ и обтянула тутъ, именно то, чего ее просили не **дѣлать** ни въ какомъ **случаѣ**. Для дома очень удачно куплено готовое, легкое, страшно дешевое **птить-робъ**, настоящая удача. **Пестренькій** кретонъ, сзади **совсьмъ** гладко, спереди фишу. *Со шляпой* оказалось трудно. Пришлось купить чемоданъ и совершенно такой же чемоданчикъ. Купальный костюмъ съ **вырѣзомъ**, но самымъ маленькимъ. Анна Пахомовна такъ прямо и сказала: «я хочу съ самымъ маленькимъ **вырѣзомъ**». Но **всѣ** вырезы оказались одинаковыми, какое то **сумасшествіе**. Наконецъ въ четвертомъ магазине...

Дни летятъ съ неопозволительной быстротой. **Юль** прыгнувъ въ августъ. Пятаго, по милости этой портнихи, уехать не удалось, но десятаго непременно нужно, а то кто-нибудь подумаетъ, что она нарочно тянетъ. Въ **заключеніе** — переузила, пришлось переделывать и буквально у нея вырвать. Въ **послѣдній** день мадамъ Жанэтъ вздумала надерзить, — но не отказывать же ей? Какъ будетъ Егоръ Егоровичъ? И когда, наконецъ, Анна Пахомовна съ Жоржемъ, чемоданами, чемоданчикомъ, еще чемоданчикомъ и плоской, чрезвычайно легкой и хрупкой картонкой (пожалуйста, осторожнее, Жоржъ, главное не сядь на нее!) погрузилась въ поездъ, — тутъ то она и вспомнила, что два кюлотина и два кашъ-сѣкса такъ ей и не прислали изъ магазина. Это было до слезъ досадно — и какъ теперь быть?

\*\*

\*

Федоръ Михайловичъ **Достоевскій** хмуро и кисло по-сматриваетъ на героическую французскую девицу, съ которой его поставили на одну каминную доску. Оба они прислушиваются къ гулкимъ шагамъ въ опустевшей квартирѣ. Егоръ Егоровичъ также прислушивается къ своимъ

шагамъ, не понимая, почему они гулки: убьль выразилась только въ **женѣ** и **сынѣ**, все остальное на **своихъ** местахъ. И однако ощущается пустота и **нѣкоторое** физическое одиночество.

**Непредназначенно** оглянувшись, Егоръ Егоровичъ **видитъ** длинную аллею прожитыхъ **лѣтъ**, ровную, простую, липовую, нестриженую. Въ полувекѣ **отдаленіи** — одноэтажный деревянный домъ, въ которомъ, законно **целуясь**, родители вывели птенца Егора, выкормили **его** и пустили въ жизнь незамысловатымъ мальчикомъ съ пробормомъ белокурыхъ волосъ, мягкостью свидетельствующихъ о доброте.

Мальчикъ идетъ по аллее не безъ робости, но и не безъ **любопытности**. **Нѣкоторое** время домикъ щекочетъ спину и плечи, потомъ становится меньше, совсемъ маленькимъ и исчезаетъ. Родители Егора **Егоровича**, **выполнивъ** свое жизненное **назначеніе**, — создавъ человека по своему образу и **подобию**, человека простенькаго, малоспособнаго быть героемъ повести, — устало укладываются рядышкомъ подъ общепринятый слой казанской **земли**. **Тѣмъ** временемъ у мальчика растутъ усы и также является **желаніе** продолжать родъ. **Подросшія** липки аллеи **цвѣтутъ** — очаровательный ароматъ. Въ рукахъ молодого путника легкая тросточка, въ походной **сумкѣ** невесомый багажъ семи классовъ **реальнаго** училища и доверчивое **отношеніе** къ жизни. Люди пишутъ другъ другу письма и посылаютъ посылки. Егоръ Егоровичъ облакается въ форменный сюртучекъ съ желтыми выпушками и помогаетъ письменнымъ и телеграфнымъ **сношеніямъ** человечества.

Тутъ на время картина меняется. Егоръ Егоровичъ смотритъ на **міръ черезъ** почтовое окошечко, умеряющее вселенскую суматоху и вводящее ее въ рамки. Укрошенный такимъ образомъ **міръ** подходит въ строгой очереди, наклоняется, заглядываетъ въ окошечко и заявляетъ о своихъ **желаніяхъ**. Егоръ Егоровичъ заноситъ эти жела-

нія въ книгу, оплачиваетъ ихъ **разноцвѣтными** марками и **штемпелюетъ** днемъ **отправленія**. Кроме языка человеческого, Егоръ Егоровичъ свободно **владѣетъ** и языкомъ Морзе — стуки съ промежутками. Пароходчикъ **Каменскій** телеграфируетъ изъ Перми, что ледъ тронулся. Богатому татарину шлютъ изъ Крыма депешу по **дѣламъ** апельсиннымъ и винограднымъ. Барыню на Проломной **любящій** мужъ изъ Нижняго поздравляетъ съ днемъ ангела. **Нѣко-**торое **однообразіе** и никакой сложности. Но въ то время, какъ каждый живетъ въ кругѣ своихъ интересовъ, Егоръ Егоровичъ какъ бы обобщаетъ эти интересы въ единое целое.

Однажды должно случиться, что въ окошечко заглядываетъ поленькая **девица** и покупаетъ **две** марки по семь **копѣекъ**. Когда Егоръ Егоровичъ даетъ ей сдачу, ихъ пальцы случайно сталкиваются. Токъ включается, и аппаратъ Морзе бешено стучитъ. Егоръ Егоровичъ покупаетъ новый галстукъ, **синій** шелковый съ горошинами. **Геніальный** математикъ **Лобачевскій** недоуменно смотритъ на маячащую мимо его бюста пару: онъ съ усиками, она въ голубой кофточке при коричневой юбке. Липа, конечно, цвететъ зверски. Получатели телеграммъ въ Казани возмущены путаницей словъ: вместо **«грузъ»** — **«грусть»**; вместо **«лубковъ»** — «любовь». Къ концу **лета** Егоръ **Тетѣхинъ** женатъ на **дѣвицѣ** Аняте. Въ законный срокъ Егоръ Егоровичъ — отецъ.

При столькихъ важныхъ **событіяхъ** характеръ жизненной аллеи ничуть не меняется: благопристойный рядъ липъ-равнолетокъ, нестриженныхъ, но дающихъ чистую **линію** и прекрасную **перспективу**.

Шкваль **налетаетъ** внезапно. Конечно, **впослѣдствіи** некоторые провидцы утвеждаютъ, что они чувствовали предстоящую грозу. Но въ Казани, городе **старинномъ**, даже съ высоты Сумбековой башни не было видно грозового облака. Скользя по перечню именъ и **событій**: гимназистъ Принципъ, императоръ съ усами стрелкой,

траншеи, большая Берта, земгоры и земсоюзы, Григорій Новый, глупость или **измѣна**, Александра Федоровна, Александръ **Федоровичъ**, пломбированный по\*здъ, государственное **совѣщаніе**, учредительное собрате, солдатская лавина, безъ **аннексій** и **контрибуцій**, Владимиръ Ильичъ со товарищи, истерика и кровь, заря новой жизни, чехословаки. Липы чувствуютъ себя отвратительно. Шкваль сметаетъ съ лица русской земли лишнюю мелочишку, въ томъ **числѣ** и Егора Егоровича съ **семействомъ**. О дальн\*йшемъ, въ частности о **Сингапурѣ**, было сообщено въ **началѣ** этой пов\*сти.

Таковы **событія** вн\*шнія. Но личная жизнь человека настолько **ими** не исчерпывается, что непреднам\*ренно **обернувшійся** Егоръ Егоровичъ видитъ пройденную имъ аллею ровной и почти не поврежденной въ строгости и прямизн\* **убѣгающихъ** вдаль **линій**. Трудовая, конечно, но сравнительно легкая и до удивительности духовно-бесодержательная жизнь. Не вс\*мъ быть мудрецами и не вс\*мъ великими зодчими. Иные гравируютъ **на** обломкахъ прошлаго свои имена. Егоръ **Тетѣхинъ** на это не претендуетъ: онъ простъ, но не **хочетъ** быть **смѣшнымъ**. Онъ только утверждаетъ, что отъ **рожденія** до совс\*мъ недавняго времени спалъ или дремалъ — не жилъ по-настоящему. Но вотъ пришелъ моменте, и Егоръ **Тетѣхинъ** проснулся: его разбудилъ тройной стукъ молотка.

— Подлинно ли ты Вольный Каменщикъ?

— Таковымъ признають меня братья.

— Мастеръ ли ты?

— Испытайте меня — **акція** мн\* **извѣстна!**

Въ перспектив\* липовой аллеи' появляются **очертанія** строящагося храма, который никогда не будетъ достроенъ. Сюда стѣкаются изо вс\*хъ странъ люди, отм\*ченные не особыми талантами, не профанскими заслугами, не богатствомъ, не родовитостью, не пойманной **за** хвостъ славы, а тайной печатью посвященности. Они ник\*мъ не призваны — они сами себя нашли и взаимно **утвердили**.

Братская **цѣль** кафинскими узлами связала ихъ воедино и **отдѣлила** отъ злобствующаго, больного, **непросвѣщеннаго Мира**, который должно пересоздать. Въ то время, **какъ другіе** строители, практики и фантазеры, **благодѣтельствуютъ** человечество готовыми программами, **потчуютъ** его **соціальными** опытами, вырываютъ другъ у друга возжи дребезжащихъ колесницъ и катятся кубаремъ подъ ноги взбесившихся лошадей, — эти тайные заговорщики, вне политическихъ страстей и предрасудковъ, по ту сторону догмы и обязательныхъ веровашій, вооружившись молотомъ и резцомъ **исканій**, медленно обтесываютъ каждый свой собственный грубый камень, стараясь придать ему правильную, удобную для пригонки къ другимъ форму. **Прошедшіе** первый искусъ кладутъ изъ этихъ камней фундаментъ и возводятъ стены новаго идеальнаго храма; испытанные въ работе наносятъ прекрасный рисунокъ на чертежную доску и руководятъ стройкой. Величавый храмъ растетъ вширь и ввысь, — но масштабы его таковы, что только все человечество могло бы общими дружными **усиліями** завершить его постройку достойнымъ куполомъ. Дожить до этого не мечтаетъ ни одинъ каменщикъ; онъ довольствуется своимъ малымъ вкладомъ — и онъ умираетъ, завещая свое дело мастеру новому, который, можетъ быть, переделаетъ заново всю его работу, потому что лучшее врагъ хорошаго, истина никому не известна и Слово не найдено.

— Что во всемъ этомъ замечательно? — думаетъ Егоръ Егоровичъ, тыкая вилкой въ остатки яичницы съ ветчиной. — А то замечательно, что никакое маленькое дело не пропадаетъ и никакой самый **маленькій** человекъ не **безполсенъ**, если только онъ работаетъ по чистой совести и доброму сговору съ другими. И ошибка не страшна — и она на пользу. Идемъ ощупью, какъ будто вслепую, но у каждого въ груди словно бы компасъ, и веренъ **общій** путь, освещаемый лучами путеводной звезды. И не страшно. И какъ то радостно. Вотъ только бы не подда-

ваться слишкомъ разнымъ житейскимъ **мелочишкамъ**, не тратить силъ на пустяки. Но и не мудрить — мудрить не къ чему.

Яичницу докушавъ, обтеръ губы салфеткой и уверенно зашагалъ дальше по липовой **аллеѣ** къ прекрасному виденію и неизбежному будущему.

## V

Присевъ на диванъ, Егоръ Егоровичъ борется съ желашемъ: не протянуть ли ноги и не подремать ли часокъ? И вдругъ видитъ, что ноги уже протянуты, и не **две**, а четыре, **выставившіяся** изъ-подъ одеяла. Жоржъ оставилъ на диванной подушке свой спортивный журналъ и какой то иллюстрированный еженедельникъ съ легкомысленной картинкой на обложке. Егоръ Егоровичъ брезгливо перелистываетъ — и зачемъ только Жоржъ покупаетъ и читаетъ такую гадость! «Забавы **Маріанны**». Текстъ подстать картинкамъ, возмутительно. Конечно, печать во **Франціи** свободна, и это хорошо. Жоржъ становится **взрослымъ**, можетъ читать, что ему нравится. Но неужели **такія** пошлости и **сальности** **могутъ** нравиться юноше?

Какой-нибудь поганецъ-издатель, въ **разсѣтъ** на нездоровое любопытство девушекъ **и** молокососовъ, заказываете голоднымъ литераторамъ забористыя **исторіи**, а нищимъ художникамъ **пикантныя** къ нимъ иллюстраціи. Имъ платите гроши, самъ набиваете капиталъ. **Маріанна** забавляется, а нравственность въ стране падаете. Ужъ если Жоржъ зачемъ то покупаетъ этотъ журнальчикъ, то что говорить о молодежи, лишенной добраго семейнаго **вліянія**?

Проходя мимо газетнаго кіоска, Егоръ Егоровичъ увидалъ **тѣ** же четыре ноги и сердито отвернулся. Одинъ негодяй печатаете, сто негодяевъ распространяють въ тысячахъ и **продають** кому угодно, хотя бы десятилетней девочке. Отъ кіоска до кіоска **Маріанна** бежите за старымъ



брюзгой и слушаетъ его **причитанія**. Если бы во Франці была настоящая общественность, она бы выступила на борьбу съ этимъ зломъ, издавая журналы полезные, красиваго вида, дешевой **цѣны**, съ яркой художественной обложкой, на которую и взглянуть **пріятно**. — «Ну и **грубіань**(«) — отчетливо говоритъ **Маріанна**, подмазывая губки карандашомъ. Все-таки въ людяхъ, особенно молодыхъ, должны преобладать здоровые вкусы. Но развитой общественности не можетъ быть въ **странѣ, заѣденной** политикой. Единственная организація, которая могла бы...

**Дальнѣйшій** разговоръ происходитъ уже въ вагон\* трамвая, куда забралась, конечно, и **Маріанна**. **Уступивъ** ей м\*сто на лавочк\*, очень приличный пожилой господинъ выходитъ на площадку и, закуривъ папиросу, не безъ язвительности говоритъ, какъ бы ни къ кому не обращаясь:

— Простите, кажется, я им\*ю высокую честь бес\*довать съ **вольнымъ каменщикомъ** Егоромъ Тетѣхинымъ?

**Ѣдущіе** въ трамва\* удивленно оглядываются, когда тотъ же самый вполн\* корректный мужчина т\*мъ же самымъ, но бол\*е робкимъ **голосомъ** отв\*чаетъ:

— Да, конечно, и я это учитываю. Удивительно, какъ мн\* это не пришло въ голову раньше. Сейчасъ, впрочемъ, **лѣтній** перерывъ, но въ первомъ же **осеннемъ засѣданіи...**

— Вы исполните свой долгъ, Егоръ Егоровичъ? Никто въ этомъ не **сомнѣвается**. Но встр\*тите ли вы **сочувствіе**?

Подумавши, вольный каменщикъ отв\*чаетъ ув\*ренно:

— Я встр\*чу, конечно, полн\*йшее **сочувствіе**, въ этомъ я не допускаю и т\*ни **сомнѣнія**. Но силы наши слабы и средствъ у насъ н\*тъ. Однако мы **можемъ** кликнуть кличь.

Зпглушая грохотъ улицы и **дерзкій хохотъ Маріанны**, Егоръ Егоровичъ кличетъ кличь, который проносится по всей стран\* и подхватывается тысячами сочувствующихъ. Радостное **возбужденіе** общественныхъ д\*ятелей. Притокъ **литературныхъ** и художественныхъ **силъ**. Чеки, **мандаты**,

кружечные сборы, вычеты изъ жалованья, **членскіе** взносы. **Организація** мощныхъ культурныхъ издательствъ характера научно-популярнаго. Во **главѣ** одного изъ нихъ, особенно деятельнаго, **Лоблія** Романовичъ, **разставшійся**, наконецъ, со своими коробочками. Всюду чувствуется тайно направляющая рука **тѣхъ**, кто первыми отозвались на призывный кличъ Егора Егоровича. **Маріанна**, облинявшая, испуганная, въ стоптанныхъ башмакахъ, напрасно обиваетъ пороги парнографическихъ издателей. «**Чего** вы хотите отъ насъ? — хоромъ говорятъ ей издатели. — Время таково, что выгоднее перейти на художественную идейную литературу». — Содержатели кюсковъ съ **негодованіемъ** топчуть **обѣими** ногами четыре ноги на **выцвѣтшей картинкѣ**, никого **болѣе** не прельщающей. — Охъ, Егоръ Егоровичъ, ужь очень вы размечтались, наивный вы человекъ! — Нетъ, почему же! Разве не такъ было у насъ въ Россіи при Екатерине въ дни масона Новикова? Разве не вольные каменщики заложили основы нашего просвещенія? — Толпа братьевъ **окружаетъ** оратора: «Разскажите, разскажите, дорогой братъ Тэтэкинъ! Это очень интересно!» — Егоръ Егоровичъ съ объемистой тетрадью подымается на Востокъ и **занимаетъ** место **вити**. **Рѣчь** его льется плавно, **повѣствованіе** его обосновано документами славной эпохи — отъ Великой Екатерины до **Благословеннаго** Александра. Тайная ложа **Гармоніи**. Дружеское ученое общество. Московская типографическая **Компанія**. Великая **Директоріальная** Ложа. Союзъ Астреи. **Сумароковъ**, **Херасковъ**, Карамзину Пушкину\* Грибоедову Пестель, Рылееву Муравьевы. Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ. Генералиссимусъ Суворовъ (наконецъ знакомое и французамъ имя: Alexandre **Souvarov**, general russe, **fut battu par Massena a Zurich**. C'etait un **général**, habile, **mais sans humanité ni scrupules**. Изъ книги, на корешке которой осыпается одуванчикъ). — Какой прекрасный докладу дорогой братъ Тэтэкинъ! Тройное **рукоплесканіе** въ честь докладчика, дорогого брата Тэтэкинъ! Скажите, братъ

Тэтэкинъ, какъ случилось, что Братство исчезло? — Оно было закрыто Великой Екатериной и **Благословеннымъ** Александромъ. — Слушатели **нѣсколько** разочарованы. Кондукторъ, неожиданно очнувшись, кричитъ: **Fin de section!** **Маріанна** выпрыгиваетъ изъ трамвая легкимъ перышкомъ, толкнувъ локтемъ неуклюжаго каменщика. Изъ **Кюска** торчатъ и шевелятъ пальцами четыре ноги разнаго пола.

\*\*  
\*

**Исторія** продолжается. Въ **конторѣ** ждетъ шефа обширная **корреспонденція**. Секретарь Анри Ришаръ въ отпуск\*, и письма Егоръ Егоровичъ распечатываетъ самъ; прогляд\*въ, укладываетъ стопочкой, прищипывая къ письму и конвертъ, а на письм\* отм\*чая **«исполнить»**, «лров\*рить», «справиться». Работа м\*рная и скучная.

«Просимъ отъ сего дня по 15 сентября доставлять въ удвоенномъ количеств\* **слѣдующія иллюстрированныя** изданія: «Лю», «Вю», «Ню» и въ тройномъ «Забавы **Маріанны**».

«Подтверждаем\* **полученіе** ста двадцати экземпляровъ «Въ эфир\*», просимъ выслать дв\*сти «Забавы **Маріанны**».

Выпроставъ ноги **изъ-подъ** од\*яла, **Маріанна** кувыркается черезъ голову и громкимъ хохотомъ оглашаетъ **кабинетъ** зав\*дующаго **отдѣленіемъ экспедиціонной** конторы:

— О, какъ я вамъ признательна, мосье Тэтэкинъ! Вы мой **лучшій** покровитель!

Егоръ Егоровичъ въ **страшномъ** смущеніи. Некоторые **безответственные** негодяи занимаютъ **распространеніемъ**... Какой скандалъ!

Увереннымъ нажимомъ **краснаго** карандаша начальникъ бюро пишетъ и подчеркиваетъ въ заголовке письма:

«Журналъ «Забавы **Маріанны**» не заказывать и не посылать».

Вольный каменщикъ кладетъ начало решительной борьбе съ развратителями молодежи. Пусть каждый **дѣ-**лаетъ, что можетъ; **усилія** единицъ сольются въ стройный хоръ молотковъ строителей новаго человечества.

**МаріаНна** удивленно присаживается на край **письменна-**го стола Егора Егоровича и, поправляя чулокъ телеснаго цвета, говоритъ:

— **Какія** глупости, мосье Тэтэкинъ! Во-первыхъ, мои забавы не более безнравственны, чемъ речи **парламент-**скихъ депутатовъ и, конечно, менее развращаютъ общество. Во-вторыхъ, почему изъ десятка журналовъ одинаковаго типа вы обрушились на одинъ; потому только, что его **читаетъ** Жоржъ? Въ-третьихъ, главная контора дастъ вамъ нахлобучку за введете́ цензуры въ торговомъ **пред-****пріятіи**. Въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ, въ-шестыхъ, въ-**седь-**мыхъ, въ-восьмыхъ. Легкомысленная сирена трещитъ безъ умолку, не подозревая, что уши Одиссея залиты воскомъ. Наконецъ ея **звонкій** голосъ переходитъ въ хриплый телефонный басокъ непосредственнаго начальства Егора Егоровича:

— Я слушаю, мосье Тэтэкинъ. Да, есть, кажется, такой журналчикъ, довольно гнусный, а что? О, мой дорогой, намъ то что за дело! **Порнографія?** Ну конечно! Но, кажется, тиражъ растетъ. Что? Какое **преступленіе?** Полноте, дорогой мосье Тэтэкинъ. Но тогда мы должны отказаться отъ **распространенія** многихъ **изданій**. А, мой милый, что вы говорите! Ну, хорошо, хорошо, зайдите, поболтаемъ. Не зналъ, что вы такой моралистъ. Что? **Об-**судимъ, обсудимъ. До свиданья!

«Подтверждаемъ получеше́... Просимъ дослать... Въ ответъ на ваше... «Забавы **Маріанны**»... И впредь посылать какъ обычно... Въ счете вашемъ отъ 1 августа... «Забавы **Маріанны**». Мосье, если васъ не забавляетъ быть рога-тымъ, то поспешите обратить **вниманіе...**»

Какъ бы ни решила вопросъ главная контора, Егоръ Егоровичъ не сдастся. Вольный каменщикъ долженъ быть

послѣдовательнымъ. Впрочемъ **не** иначе поступить и честный профанъ. Егоръ Егоровичъ штемпелюетъ письма днемъ **полученія**.

«Мосье, если васъ не забавляетъ быть рогатымъ, то **поспѣшите** обратить **вниманіе** на поведете вашей жены, весело проводящей **время** въ **курортѣ съ** вашимъ подчиненнымъ по служб\*».

Главное — кто-нибудь долженъ серьезно начать борьбу и выказать себя достаточно стойкимъ и мужественнымъ!

«Мосье, если васъ не забавляетъ быть рогатымъ...»

И почему **непрем\*нно** предполагать, что доброе начинаніе не встр\*титъ **сочувствія**? Главной контор\* просто до сихъ поръ не приходило въ голову, что распространеніе **подобныхъ журнальчиковъ** порочить фирму; а это даже и коммерчески не выгодно. Впрочемъ, въ данномъ **случаѣ** вопросъ ставится ребромъ: выбирайте между **старымъ** служащимъ и забавляющейся **Маріанной!** Третьяго **нѣтъ** — довольно!

«Мосье, если васъ не забавляетъ быть рогатымъ, то **поспешите** обратить **вниманіе...**»

Это еще что за чепуха? Откуда попало? Маленькое почтовое **недоразумѣніе**: вместо делового письма вложена частная записка, и притомъ гнусная. Егоръ Егоровичъ бросаетъ письмо въ корзину подъ столъ, потомъ заботливо наклоняется, вынимаетъ, расправляетъ и соображаетъ, какъ же быть? Съ одной стороны — нельзя швырять чужихъ писемъ, а съ другой — явная гадость, доносъ на чью-то жену. Конечно — бросить! Онъ комкаетъ и швыряетъ записку, отстуканную на машинке и не подписанную. Есть же **такіе тихіе** подлецы, и, пожалуй, кто-нибудь изъ **кліентовъ** нашей фирмы. Ну конечно! Не только выпи-спль аккуратненько адресъ бюро, но еще прибавлено: Monsieur **Tétékhine, directeur**. Несомненно **кліентъ**, даже и **фамилію** мою знаетъ! Вотъ и попалъ! Забавно все-таки! А письмо съ заказомъ послалъ, значить, этому, у котораго жена. **Этакіе** пакостники!

Окончивъ разборъ корреспонденціи, Егоръ Егоровичъ беретъ нужныя письма и самъ идетъ распорядиться объ **исполненіи**. Въ **отсутствіи** Ришара, часть его обязанностей выполняетъ **машинистка**. Мадемуазель Ивэть, несмотря на слишкомъ яркую окраску губъ и ногтей, сидитъ за машинкой съ лицомъ святой девы. Егоръ Егоровичъ обстоятельно втолковываетъ ей, что нужно сделать, и по ея **репликамъ** догадывается, что мадемуазель Ивэть ничего не поняла. Онъ беззлбно и съ великимъ терпешемъ объясняетъ снова. — Такъ, пожалуйста, мадемуазель Ивэть! И сами проверьте заказы. И чтобы отметили въ книгахъ. — Святая **дѣва** удаляется не то обиженно, не то удивленно. Сонный отъ жары и духоты бухгалтеръ вяло смотрите ей вследъ несколько ниже спины, хотя эта картина давно ему прискучила.

— Несколько неудобно безъ **Ришара**,—говоритъ Егоръ Егоровичъ: — мадемуазель Ивэть не такъ опытна.

Бухгалтеръ производитъ губами неопределенный звукъ, повторяете его дважды и прибавляете:

— Кое въ чемъ она, конечно, неопытна.

— Но девушка старательная, — успокоительно **замѣчаетъ** Егоръ Егоровичъ..

Бухгалтеръ въ **третій** разъ издаетъ губами звукъ, который можно объяснить какъ угодно. Ему, въ сущности, безразлично, въ какой степени Ивэть девушка и **въ** какой она старательна. Но что она сегодня кривляется и витеаетъ въ облакахъ — въ этомъ **нѣтъ сомнѣнія**. **Вѣроятно**, что-нибудь натворила или собирается натворить.

Если мадемуазель Ивэть собирается что-то натворить, то она, во всякомъ случае, не торопится. Ушелъ **завѣдующій** бюро, ушли **другіе служащіе**, долго и сложно, **потирая** спину, разминая ноги и оскорбительно сморкаясь, **завершили** трудовой день и удалился бухгалтеръ. **Задержавшись** дольше всехъ, мадемуазель Ивэть **дѣловито** **заходите** въ кабинетъ заведующаго, перебираете **на** Столе бумаги, недоуменно пожимаете плечами и, наконецъ, до-

гадывается заглянуть въ **корзину**. Поверхъ бумажекъ **ле-**жить надорванный конвертъ, **несомнѣнно** тотъ самый. Значить письмо было распечатано и прочтено. Лакированные ноготки мадемуазель Ивѣтъ еще разъ нисходятъ въ корзину и возвращаются со скомканнымъ листочкомъ бумаги. Раньше, чемъ прочитать письмо, шефъ всегда **отмѣ-**чаетъ штемпелемъ на уголке день полученія; штемпель **стоитъ**.

Мадемуазель Ивѣтъ не столько въ **негодованіи**, сколько изумлена:

— Но это какой-то **идіотъ!**

Она забыла **толкованіе** славянской души, данное однажды бухгалтеромъ:

— Вы понимаете, мадемуазель? Ничего **нетъ мудрена-**го, что вы не понимаете по-китайски!

Ну хорошо. А вы понимаете, по какимъ побуждеціямъ мадемуазель Ивѣтъ рветъ письмо на **мельчайшіе** кусочки и выходитъ съ видомъ, нисколько не напоминающимъ святую **деву?**

## V

**МаріаНна** недоумеваете: правда ли, что бюро не приняло заказовъ на журналъ? Мадемуазель Ивѣтъ пожимаете одновременно плечами и губами. — Но **ведь** былъ **до-**говоръ? — Былъ условный, отъ номера къ номеру. Вообще — поговорите съ шефомъ.

Шефъ **сидитъ** въ храме на престоле. Надъ его кресломъ **свѣтящійся** треугольникъ, символъ **создательнаго бытія**, со всевидящимъ окомъ и буквами: **іодъ**, хе, вау, хе, которыя, приблизительно, означаютъ: « я есмь тотъ, кто есть». Въ рукахъ шефа **пламеньющій** мечъ, **остріе** котораго **сейчасъ** направится на вошедшаго. Еще на почтовой службѣ Егоръ Егоровичъ привыкъ въ нужныхъ случаяхъ держаться величаво.

**МаріаНна** не учитываете обстановки; она игриво болтаете ножкой и намекаете, что о делахъ **пріятнѣе** гово-

рить въ **ресторанѣ** за бутылкой добраго вина. Однако шефъ бюро довольствуется бутербродами, принесенными изъ дому. Тогда **Маріанна** **ушмыгиваетъ** за ширмочку, **переплетаетъ** себя въ старомодный пиджакъ **комбатанта** и **зачесываетъ** остатки волосъ решеточкой на лысину. Въ петличке какая-то ленточка. Люди, **имѣющіе основаніе** опасаться **оскорбленія дѣйствіемъ**, всегда носятъ въ петличке какой-нибудь предохранительный значекъ, **отвлекающій** вниманіе отъ ихъ бегающихъ глазъ.

— Вышло маленькое **недоразумѣніе**, мосье... Дело идетъ о моемъ **изданіи** «Забава **Маріанны**».

Голосъ съ высоты престола:

— Никакого **недоразумѣнія**. Мы не **распространяемъ** парнографическихъ **изданій**.

— О-ля-ля! Это немножко **слишкомъ**. Но даже **допустимъ**, что **Маріанна** не монахиня; но она ничемъ не превосходитъ друпя издашя того же рода, которыя вы берете на **комиссію**.

— Благодарю васъ. Мы **ознакомимся** и съ другими и примемъ меры.

**Маріанна** срывается съ тона и, полагаясь на **ленточку**, переходитъ въ **наступленіе**:

— **Франція** не нуждается въ поповской цензуре, **мосье**. Вы иностранецъ и пытаетесь учить французовъ.

— А вы плохой **французъ**, мосье, если способствуете **развращенію** молодежи въ своей собственной стране.

**Спеціалистамъ** русско-французской борьбы на поясахъ придется разставить въ нужныхъ местахъ **техническія** словечки, которыхъ мы не знаемъ. Помнится, что бойцы **приподымаютъ** другъ друга на воздухъ, затемъ уместно **выраженіе «нокъ-аутъ»** и «положилъ на четыре лопатки». Но намъ **пріятно**, не пытаюсь интриговать читателя, заранее предупредить его, что победителемъ останется вольный каменщикъ. Въ этомъ нетъ ничего **удивительнаго**. Первая изъ двадцати двухъ аксюмъ Элифаса Леви о воле гласить: «Ничто не устоитъ противъ воли человека, ко-



гда онъ знаетъ истину и хочетъ добра». Восемнадцатая **аксіома** читается такъ: «Добровольная смерть изъ преданности идее не есть **самоубійство**, но апофеозъ воли», Такимъ образомъ **пораженія** въ данномъ случае не могло и быть; и все-таки **побѣдѣ** Егора Егоровича помогла только случайность.

Проглотивъ пилюлю, **МаріаНна** стучитъ каблучками въ **направленіи** автобуса, останавливаете его у зеленой **выѣски** и вместе съ нимъ пожираете пространство. Где-то, на **серединѣ** пути автобуса, его **насмѣшливо** и уверенно обгоняетъ такси; въ окне такси можно усмотреть волевой профиль каменщика. Въ главной конторе **просятъ** плешиваго **бывшаго** комбатанта обождать: директоръ **занятъ** беседой съ **завѣдующимъ** отделомъ мосье Тэтэкинъ. — Какъ, онъ уже здесь? Шансы **Маріанны** падаютъ. — Но, мой дорогой мосье Тэтэкинъ, вы ставите намъ ультиматумъ! Мы очень **цѣнимъ** васъ, какъ стараго и преданнаго фирме служащего. Но не можемъ же мы входить въ **обсужденіе содержанія** издашій! — Напротивъ, уважающая себя фирма должна это делать. — А кстати, кто издатель? Ахъ, тотъ! О, тогда вопросъ стоите несколько иначе. Ведь это старый мошенникъ и трижды банкроте, онъ уже прогорелъ съ двумя подобными же **предпріятіями**. Вы можете успокоиться, мосье Тэтэкинъ, «Забавы **Маріанны**» недолговечны. — Я считаю вопросъ **принципальнымъ**. — О да, конечно... Знаете, дорогой другъ, на этотъ разъ вы меня переубедили; не стоите мараться изъ-за несколькихъ номеровъ, онъ, конечно, не заплатилъ **типографіи**. Вы **решительно** правы, мосье Тэтэкинъ! Но только вашъ ультиматумъ тутъ не при чемъ. А вы такой **горячій**? Ну, я очень радъ, будь **по-вашему**. Охъ, эти **русскіе!** Какъ поживаете вашъ Сталинъ? А онъ, пожалуй, не глупее Муссолини, а? До свиданья, дорогой, я вамъ искренне благодаренъ за добрый совете!

Борьба, въ сущности, окончена. **МаріаНна** делаете последнее **усиліе** спасти четвертую лопатку. — Не могу

скрыть, мосье, что этотъ **sale russe**, вашъ **служащій**, пытался меня шантажировать... Мосье, я старый **комбатантъ** и не позволю... Во всякомъ **случаѣ** я не бросаю словъ на **вѣтеръ**... А я говорю, мосье, что пора **Франціи** изгнать нежелательныхъ **иностранцевъ**... Я ухожу, мосье, но предупреждаю васъ, что вы раскаетесь...

Объявляется результате борьбы: 2:0. Восьмая аѳома Элифаса Леви гласите: «Когда воля направлена на вздоръ, она отвергается Вечнымъ Разумомъ».

## V

Каждый знакъ **Зодіака** имеете собственную печать. Печать Тельца изготовляется изъ **слѣдующихъ металловъ**: медь, **жельзо, олово, золото**.

Металлы должны быть сплавлены при **вступленіи** Солнца въ знакъ Тельца, приблизительно около 8 апреля. Въ ту же минуту нужно награвировать печать, иначе она не будетъ иметь **силы**.

При вступленіи Луны въ десятый градусъ Тельца, надо **повѣсить** печать.

По своему свойству печать Тельца есть средство для **возстановленія** половыхъ способностей. Это **вѣрное средство** и для мужчинъ и для женщинъ. Эта печать также способна открывать глаза носящему ее на **измѣну** въ супружествѣ. Печать надо **повѣсить** такъ, чтобы она касалась пупка той стороной, на которой изображенъ знакъ Тельца.

Повешенная надъ кроватью, эта печать, подобно печати **Скорпіона**, есть верное средство отъ клоповъ.

Зевнувъ такъ, что **дальнозоркій**, заглянувъ ему въ ротъ, могъ бы **увидѣть** внутреннюю оболочку пятки, **Егоръ Егоровичъ** захлопываете книжонку по высшей мапи, оказавшуюся вздоромъ, и переводите глаза на пакете, доставленный еще **днемъ** изъ магазина белья на имя мадамъ Тэтэкинъ. — Нужно будетъ завтра же переслать Анне Пахомовне. А что тутъ такое? — Чтобы не портить веревки,

онъ старательно распутываетъ ея узелъ искусной работой ногтей. — Отличная упаковка! Конечно, что-нибудь дамское. — Изъ **внутренняго** пакета выпадаетъ эфирное и непонятное, въ общемъ напоминающее запонъ вольнаго каменщика, но изъ гораздо более легкой матерш и безъ завязокъ; рассмотреть **внимательнѣе** Егоръ Егоровичъ **стѣсняется**. Нужно будетъ послать образцомъ безъ цены; вероятно Анна Пахомовна заказала и не дождалась.

Перейдя въ спальню, Егоръ Егоровичъ медлительно раздевается и ложится съ узаконенной правой стороны обширной постели. Левая сторона девственно пуста. Высшая **магія** наводитъ тоску, но и о конторскихъ делахъ думать скучновато. Лето идетъ къ концу, будетъ **пріятно**, очень **пріятно**, когда, съ **наступленіемъ** осени, возобновятся **братскія** встречи. Дело тутъ не въ выработавшейся привычке, а въ притягательной силе **общенія** посвященныхъ. Да, посвященныхъ! Казалось бы — что **миѣ** до этихъ людей, въ профанскомъ **мірѣ** совершенно чуждыхъ, живущихъ своими крохотными интересами, копошащихся въ суете быта? Но стоитъ встретиться съ ними въ колоннахъ храма, услышать знакомыя условныя слова, наполнить эти слова **желаемымъ значеніемъ**, — и какъ по волшебству проясняется **мірская** муть, рождается въ душе чистая **пріязнь**, жажда соборнаго строительства, вера въ идеаль и потребность истиннаго **Дѣланія**. Въ глазахъ непосвященнаго, это только **самообманъ**, игра въ чувства и **благія побужденія**. Ой-ли? все ли мы **знаемъ**? Не **источаетъ** ли лучезарная Дельта подлинныя лучи благодати, не направляютъ ли символы и разумъ и чувство на более верныя пути, чемъ **сдѣлаетъ** это наимудрейшая книга?

Еще **думаетъ** Егоръ Егоровичъ, докуривая последнюю папиросу (Анна Пахомовна не допускала куренія въ постели):

— Надо будетъ повидать брата Жакмена; въ последнее время **сдалъ старикъ**, прихварываетъ; но **духомъ** бодръ. **Пріятный** человекъ аптекаръ; на видъ грубый, а сердце

**отличное.** Да и страховой агентъ, въ сущности, отличный **человѣкъ и очень** толковый руководитель ложи. Большинство братьевъ — порядочные, очень порядочные и симпатичные люди. Есть **двое-трое** не **совсѣмъ пріятныхъ**; строго говоря, безъ нихъ было бы проще и уютнее. Напримеръ — Анри Ришаръ. Къ ложе равнодушенъ, да и **человѣкъ**, по **совѣсти, неподходящій**, довольно дрянной человекъ, и непонятно, **чѣмъ** онъ такъ понравился Анне Пахомовне. Пошловатый любезникъ и не прочь сжульничать. Ну, Анне Пахомовне развлеченье, она мало видитъ людей, а вотъ не **повліялъ** бы онъ плохо на Жоржа. Жоржъ мальчикъ **воспріимчивый**, а личное **вліяніе** хуже всякихъ «Забавъ **Маріанны**».

Мысль Егора Егоровича беретъ алэ-рэтуръ и переносится временно въ курортъ на парижскомъ пляже, где онъ видитъ Жоржа въ новыхъ панталонахъ и теннисныхъ туфляхъ, а рядомъ Анри Ришаръ въ какомъ-нибудь безвкусномъ пиджачке наглаго **цвѣта**. Къ **сожалѣнію**, тутъ же и Анна Пахомовна. Вообще все эти курорты — плохая школа **воспитанія** («мосье, если васъ не забавляетъ быть **рогатымъ...**»). Анна Пахомовна рождается изъ морской **пены** въ одномъ изъ чрезвычайно предосудительныхъ костюмовъ, изображаемыхъ летними иллюстрированными журналами. Она не **замѣчаетъ**, что это смешно въ ея возрастѣ, — и Егоръ Егоровичъ болезненно за нее морщится. Куча народу купается **вмѣстѣ**, и Жоржъ **пріучается** пялить глаза на женскую наготу. Богъ знаетъ, что делается на **этихъ** дешевыхъ курортахъ; разныя бабенки флиртуютъ во всю («мосье, если васъ не забавляетъ...»). **Девчонки** подражаютъ взрослымъ греховодницамъ, а **пожилыя** женщины корчатъ изъ себя несовершеннолетнихъ и мотаются оголенными телесами передъ узколобыми спортсменами и нахальными жеребцами, типа Анри Ришара («мосье, если васъ не забавляетъ быть рогатымъ, то поспешите обратить **вниманіе** на поведете вашей жены...»).

Егоръ Егоровичъ тычетъ папиросу мимо пепельницы

и привстаетъ въ постели. Пойдите, пойдите! А **вѣдь** то письмо могло быть адресовано ему, а не въ контору. Что это за гадость! Да ведь тогда это — **доносъ** на Анну Пахомовну и Ришара!

**Нѣкоторое** время онъ держитъ тело на **вѣсу**, опираясь руками въ тюфякъ. Затемъ онъ спускаетъ ноги на полъ и шаритъ туфлю. Затемъ снова **отправляетъ** ноги подъ **прикрытіе** одеяла. Вотъ такъ **исторія!**

Очень трудно передать весь последовательный ходъ мыслей Егора Егоровича; легче изобразить его лицо, сначала растерянное, затемъ негодующее, снова удивленное и, наконецъ, покрытое прыгающими около глазъ и рта морщинками. Морщинки складываются въ невольную гримасу человека, которому очень неловко, но необходимо расхохотаться. Покосившись на **лѣвую**, девственную сторону постели, Егоръ Егоровичъ, действительно, прыскаетъ и заливается **добродушнейшимъ** смехомъ. Въ этомъ неожиданномъ и странномъ поведеніи вольнаго каменщика **нѣтъ** ни **тѣни** недоброжелательства по отношенію къ Анне Пахомовне, но все-таки Егоръ Егоровичъ не можетъ вообразить себе такую грузную и почтенную женщину въ объятяхъ молодого повесы. Затемъ Егоръ Егоровичъ строго себя одергиваетъ и старается опять быть возмущеннымъ. **Безобразіе!** Бедная женщина! Конечно, она не узнаетъ о гнусномъ письме, но все-таки обидно и **непріятно**, темъ более, что отчасти она виновата: вотъ что значить на старости **лѣтъ** перекрашивать волосы! Скажемъ даже, чья-то глупейшая шутка, но все-таки...

**Послѣднія** мысли и соображенія Егора Егоровича развиваются не гладко въ силу привычки къ регулярному образу жизни. Въ его **представленіи** еще разъ мелькаетъ веская фигура Анны Пахомовны съ **индефризаблями** и въ кунальномъ костюме, ракета Жоржа и самодовольное и галантное лицо Ришара. Затемъ, по билету **«рѣтуръ»** Егоръ Егоровичъ возвращается въ Парижъ успокоеннымъ. Наконецъ его рука направляется къ пуговке **выключе-**

чателя, и наступившая темнота оказываетъ обычное **влія-**ніе на достаточно здоровый организмъ: вежды Егора Егоровича смыкаются, и ангель хранитель, похлопавъ **крыль-**ями и обнаживъ **мечъ,** **становится** въ головахъ постели вольнаго **каменщика.**



На негровъ, издавна населяющихъ **парижскій** пляжу никакого **впечатлѣнія** не произвело **появленіе** белой **жен-**щины въ costume, не **вполнѣ вмѣщавшемъ** содержимое. И однако белая женщина была уверена, что и небо, и море, и люди заняты только ею и, перебивая другъ друга, делятся **соображеніями** по поводу спинного выреза ея костюма. Поэтому она задрапировалась халатомъ, какъ заранее подготовила дома передъ зеркаломъ, и для начала въ первую же четверть часа сожгла въ красный **уголь** левое плечо.

Люди делятся на загорающихъ и сгорающихъ; Анна Пахомовна принадлежала къ последнимъ. Вечеромъ плечо пылало огнемъ, а черезъ день начала лупиться кожа. Еще черезъ день **пріѣхалъ** Анри Ришаръ.

И вотъ все пошло совершенно не такъ, какъ **живопи-**сала въ своихъ **предположеніяхъ** Анна Пахомовна. Ришаръ не училъ ее плавать, потому что самъ не умелъ; **впрочемъ** пляжъ въ этомъ местечке оказался детскимъ, и любители плаванья должны были шлепать по мелкимъ лужамъ полкилометра, чтобы погрузиться по поясъ. Анна Пахомовна предпочитала держаться близъ берега и изображать изъ себя купающуюся въ **гигіеническихъ** целяхъ синичку: она ложилась на три фасадныхъ опухоли, хлюпала руками и ногами и сама удивлялась своей неустрашимости.

Въ программу входили также **далекія** прогулки въ лесъ (медведи, дикари, бархатъ лужаекъ, грибной спорту

лирическая усталость); но **вмѣсто** леса по всему побережью размахнулись дюны, прогулка по которымъ была бы утомительна и вязка. **Мѣстечко**, слывшее когда-то моднымъ курортомъ, было засосано пескомъ, среди котораго маячило брошенное за бездоходностью и также полузасыпанное пескомъ казино. Негритянское населеніе по вечерамъ **уѣзжало** работать ногами въ **сосѣдній** городокъ. Жоржъ проводилъ въ этомъ городке весь день, такъ какъ въ местечке не оказалось даже площадки для белоштаннныхъ любителей метанья шариковъ.

**Разумѣется** Ришаръ обосновался въ томъ же **пансіонѣ**; это почти **рѣшало** вопросъ о падешіи Анны **Пахомовны**. А дальше? Дальше — она не вернется въ парижскую квартиру, а незаметно поселится где-нибудь въ Кламаре или **Медонѣ**, печальная и загадочная, пока будетъ тянуться процессъ о разводе. Затемъ, узаконивъ свою близость въ готическаго стиля мэрш, они снимутъ въ Париже недорогую квартирку и обставятъ ее по вкусу Анны Пахомовны. Черезъ Жоржа, который такъ друженъ съ Анри, она будетъ знать о томъ, какъ переносить свое одиночество Егоръ Егоровичъ. Но все-таки это ужасно: после двадцати двухъ **лѣтъ** совместной жизни! Ей не столько жаль Егора Егоровича, который скоро утешится праздною болтовней со своими масонами (слеза туманитъ взоръ доброй женщины), сколь жаль себя: придется поставить крестъ на всемъ прежнемъ и целикомъ отдаться интересамъ французской жизни: ни **грешневой** каши, ни творогу, и вместо чая липовый цветъ! Анри, конечно, броситъ прежнюю службу, — не можетъ же онъ остаться въ бюро подъ начальствомъ Егора Егоровича; но **Анри** такой способный и такой образованный **человѣкъ**, ему легко устроиться.

Въ **ожиданіи** неминуемаго, Анна Пахомовна по ночамъ запираетъ дверь своей комнаты на ключъ и на задвижку, но долго не засыпала, сладостно боясь **нападенія отуманеннаго** страстью Ришара. Впрочемъ Ришаръ и Жоржъ

по вечерамъ **ГДЪ-ТО** пропадали и вставали поздно, оставаясь вялыми до утренняго купанья. На явное **завоеваніе** Ришаромъ Жоржа Анна Пахомовна **смотрѣла**, какъ на очень **ловкій** маневръ со стороны Ришара: въ **лице** юноши у нихъ былъ заранее заготовленъ **вѣрный** союзникъ, мальчикъ простить и пойметъ свою мать. И все-таки Анри ошибается, если думаетъ, что **это** произойдетъ **ЗДЕСЬ!** **Это** можетъ произойти только **послѣ** долгой борьбы, окончательнаго **объясненія**, Медона или Кламара и **мэри!** Но Ришаръ достаточно чутокъ, и потому онъ ведетъ себя не только сдержанно и благоразумно, но и съ напускнымъ **равнодушіемъ**, дорожа честью своей и Анны Пахомовны.

Мадамъ Краусъ, будто бы датчанка, но наверное просто еврейка, появилась въ **пансіонѣ** пятью днями позже. Въ первый же день намазалась **іодомъ** или какой-то другой дрянью и объявила себя **загорѣвшей**. Она свободно стрекотала по-французски и хлопала по **рукѣ** не только Анри, но и въ сущности малолетняго Жоржа. **Вырезь** ея купальнаго костюма былъ таковъ, что Анна Пахомовна, въ **сравненіи** съ нею, была кокономъ шелковичнаго червя и монастырской послушницей. Не говоря уже о спине, мадамъ Краусъ была спереди разделена надвое по талии кофейной противно-припухлой полоской, надъ которой колебались на бретелькахъ нервныя подробности. Съ визгомъ и хохотомъ мадамъ Краусъ вбегала въ **воду**, шлепала по ней пятками, **треугольникомъ** задирая **ноги**, пригоршнями брызгала водой въ лицо Анри и Жоржа, которые съ перваго же дня къ ней прилепились почтовыми марками. Пускай еще Анри, онъ мужчина и держите себя самостоятельно и независимо; но Жоржъ совсемъ **мальчикъ** — какое **безобразіе!** Анна Пахомовна стала приносить съ собой на **пляжъ** выписанную сюда на месяцъ **русскую** газету и, не обращая никакого **вниманія** на купающихся, мужественно читала не только **морскіе** рассказы капитана 2-го ранга, но и статьи высокаго смысла, подписанныя Ющусомъ. Хотя теперь по вечерамъ Анри и Жоржъ



оставались дома и гоготали въ **салонѣ** съ мадамъ Краусъ, которая гадала имъ на картахъ и **напѣвала итальянскія пѣсенки**, — Анна Пахомовна, не принимая **участія**, запира-лась въ своей **комнатѣ** и молчаливо возмущалась **пансіономъ**, пляжемъ, дюнами, **курортомъ**, **поведеніемъ** Жоржа и т\*мъ, что приходится жить подь одной кровлей **Богъ** знаетъ съ к\*мъ.

Все дальн\*йшее развивалось въ посл\*довательн\*йшемъ **порядкѣ**, хотя и непреднам\*ренномъ. Жоржъ у\*халъ съ мадамъ Краусъ играть въ теннисъ; Анна Пахомовна съ Ришаромъ, раскаленные солнцемъ, вернулись домой къ завтраку въ купальныхъ халатахъ. У комнаты Анны Пахомовны Ришаръ задержался и, можетъ быть, хот\*лъ войти. Это было бы совершенно неприличнымъ, особенно при сложившихся **обстоятельствахъ**. Анна Пахомовна, одной рукой придерживая полу халата, другой, обнажившейся до локтя, высоко держась за косякъ двери (**варіація** позы античной д\*вушки, несущей кувшинъ), длинной французской фразой, давно вызубренной съ помощью самоучителя и франко-русскаго словаря Макарова, разъяснила Ришару, что она — не та, за кого онъ можетъ быть ее **при-нимаетъ**. Тогда Ришаръ сначала несколько удивился и оторопель, потомъ, объяснивъ по своему фразу Анны Пахомовны, применилъ **пріемъ**, который, по его **наблюде-ніямъ**, неотразимо **дѣйствовалъ** на **женщинъ** всехъ возра-стовъ свыше семи летъ.

Второй разъ въ жизни Анри Ришару довелось услышать крикъ, которымъ дикая народность выражаетъ свое неполное **удовольствіе**; въ первый **разъ** это было въ **кабинетѣ** шефа транспортной конторы. Не **умѣя** падать **въ** обморокъ, Анна Пахомовна, теперь уже на **родномъ** языке, дала точную оценку **повѣденію** Ришара, хлопнула дверью и оставила себя безъ завтрака.

Медонъ подмигнулъ Кламару, оба вежливо раскланялись съ мэромъ, — и романъ Анны Пахомовны **кончился**.



Хотя Егоръ Егоровичъ не былъ чревоугодникомъ, но часто, возвращаясь со службы съ **ощущеніемъ легкаго дрожанія** въ **пустотѣ**, пытался представить **себе**, какой обедъ ждетъ его дома. За **отъѣздомъ** Анны Пахововны, обедъ изготавляла мадамъ Жанэть по женственному французскому вкусу и оставляла его холоднымъ въ **кухнѣ** на всегда готовой къ услугамъ газовой **плитѣ**. Въ **столовой** мадамъ Жанэть сервировала одинъ приборъ, причемъ экономно накрывала только **умѣренный** сегментъ круглаго стола сложенной вдвое скатертью.

Отворивъ дверь и заботливо **повѣсивъ** ключъ на гвоздикъ, Егоръ Егоровичъ не **замѣтилъ** въ передней дамскаго пальто и зонтика, но сразу обратилъ **вниманіе**, что столъ накрытъ на двоихъ. — Разве я кого-нибудь жду? Я ничего не заказывалъ мадамъ Жанэть! — Положилъ портфель, вынулъ платокъ, чтобы отереть потный лобъ, — и увидалъ въ дверяхъ спальни жену. — Вотъ **пріятная** неожиданность! Ты вернулась? А Жоржъ?

— О прости, прости меня! — воскликнула опозорившая себя, но раскаявшаяся женщина, ломая руки. — Я зналъ это и былъ готовъ къ худшему. — О нетъ, я осталась тебе верна, клянусь! — Не нужно клясть, я верю. Но съ этого момента ты перестанешь красить губы и **щеки**, отростишь волосы и вся отдашь заботамъ о **мужѣ** и **воспитаніи** сына. Сначала твои волосы будутъ пестрыми, но **мало-по-малу** къ нимъ вернется первоначальный **цвѣтъ**, а обезцвеченные концы можно будетъ отрезать. Согласна ли ты? — Да, я это сделаю, и никто никогда не **назоветъ** меня ветреной женщиной и крашеной бабушкой. Моимъ единственнымъ **развлеченіемъ** въ часы одинокаго досуга будетъ отныне пылесось. — Онъ протягиваетъ ей руку, которую она хватаетъ и целуетъ. Комната **наполняется**

хныкающими отъ **умиленія** ангелами, а **радіо** за стеной **играетъ** гимнъ Гарибальди или **«Славься-славься»**.

Именно такъ мы и закончили бы главу «Забавы **Маріанны**» или даже всю **повѣсть**, если бы подобная сцена, сама по себе сильная, хоть немного **соотвѣтствовала** характерамъ **героевъ**. И однако Анна Пахомовна просто ответила:

— Жоржу я позволила остаться и дала немного денегъ. Но это не курортъ, а какой-то ужасъ. Я предпочитаю сидеть въ Париже. Ну какъ у тебя?

Но ведь недаромъ вместе прожиты годы! Егоръ Егоровичъ **понимаетъ**. Егоръ Егоровичъ жалеетъ. Онъ искренно выражаетъ радость, даже ощущаетъ эту радость. Онъ суетится, оживленно перекладываетъ на столе вилку на место ножа и обратно, онъ спешитъ въ кухню. — Вотъ и чудесно, будемъ сейчасъ обедать, я мигомъ разогрею. — Оставь, пожалуйста, я сама; я **пріѣхала** еще днемъ и все приготовила. — А ты, кажется, сильно загорела? — Да, немножко. — Онъ еще спрашиваетъ о **Жорже** и не заикается объ Анри Ришаре. Анри Ришара нѣтъ на **свѣтѣ**. Анри Ришаръ стертъ резиночкой въ памяти человечества. Анри Ришаръ не будетъ больше по средамъ пожирать паюсную икру и отколупывать ягодки винограда. Въ сущности, Анри Ришаръ надоелъ имъ обоимъ, и дружба съ нимъ вредна для Жоржа. Егоръ Егоровичъ есть съ большимъ аппетитомъ и старается быть милымъ и заботливымъ. Но **вѣдь** онъ и вообще милый и заботливый, какъ-никакъ семью кормить, и неплохо. Ужъ разъ Анна Пахомовна **вернулась**, **пробывъ** на море всего **десять дней вмѣсто** месяца, значить такъ нужно. Она говоритъ въ **поясненіе**: — А я, знаешь, какъ-то соскучилась по дому, — Эти слова звучать неудачно, и Анна Пахомовна спешно добавляетъ: — Сначала думала поехать еще куда-нибудь, но потомъ решила — право же не стоите! — Ну **что-жъ**, я очень радъ!

**Послѣ** обеда Егоръ Егоровичъ читаетъ, а жена моетъ посуду, хотя обычно это полагается делать мадамъ Жаннѣ. Передъ сномъ Анна Пахомовна съ настоящимъ **удовольствіемъ** беретъ **ванну** и **смываетъ** остатки морской соли. И только въ постели, когда Егоръ Егоровичъ уже готовъ расправить крылья, чтобы улететь въ иные **міры**, Анна Пахомовна, настроивъ голосъ и наладивъ слова, говоритъ съ легкой небрежностью:

— Между прочимъ, Гриша, я должна тебе сказать, что этотъ твой Ришаръ оказался ужаснымъ наглецомъ. Я это говорю вообще.

На несколько минутъ Егоръ Егоровичъ откладываетъ очередной полетъ. Но такъ какъ Анна Пахомовна **не дѣлаетъ** никакихъ **поясненій**, а онъ не решается **спросить**, то сложенные крылья расправляются, и Егоръ Егоровичъ плавными взмахами уносится за пределы семейныхъ **заботъ** и ужъ слишкомъ **ничтожныхъ** суетъ подлуннаго **Міра**.

Ни на минуту не опустившись на землю, Егоръ **Егоровичъ** летаетъ надъ улицей Конвансьонъ, надъ департаментомъ Сены, надъ пляжами и безбрежнымъ океаномъ, который сверху напоминаетъ блюдечко голубого чаю. Путь смелаго летчика лежитъ въ страну царя Гельгамеша, строителя города посвященныхъ за семью стенами; но въ этомъ городе, строящемся по единому плану, безъ права малейшаго **отступленія**, за которое гражданину грозитъ смерть, — въ этомъ страшномъ городе все стали рабами, хотя и поютъ о свободе истошнымъ голосомъ. **Напуганный** летчикъ стремится дальше, огибая слишкомъ **высокія** горы и планируя надъ ласковыми долинами, где люди простоваты, грешны и не строги, понимаютъ и прощаютъ другъ друга, и, вместо торжественныхъ гимновъ, поютъ веселые мотивчики. Здесь летчику очень хотелось бы снизиться, но его уши все еще напеты враньемъ **о долге**, обязывающемъ человека **быть** сухаремъ и лицемеромъ. Оробевъ, вечный искатель, — онъ дальше машетъ

уже усталыми крыльями, и, **вмѣсто** земли обетованной, угадываетъ вдали все ту же спальню на **улицѣ** Конвансьонъ — начальный и **последній этапъ**. **Вѣтеръ** свищетъ въ крыльяхъ и выходитъ черезъ ноздрю. **Сегодняшній** полетъ, пожалуй, опять бесплоденъ.

Ровно въ восемь часовъ Егора Егоровича будить **звонокъ**. Накинувъ халатъ, онъ благодаритъ франкомъ **почтальона**, принесшаго возвращенный почтой, за **отъѣздомъ** въ **Парижъ** получательницы, уже знакомый пакетъ съ предметами **неизвѣстнаго назначенія**, слегка напоминающими **запонъ** вольнаго каменщика.

Мих. **Осоргинъ**.

*(Окончаніе слѣдуетъ)*